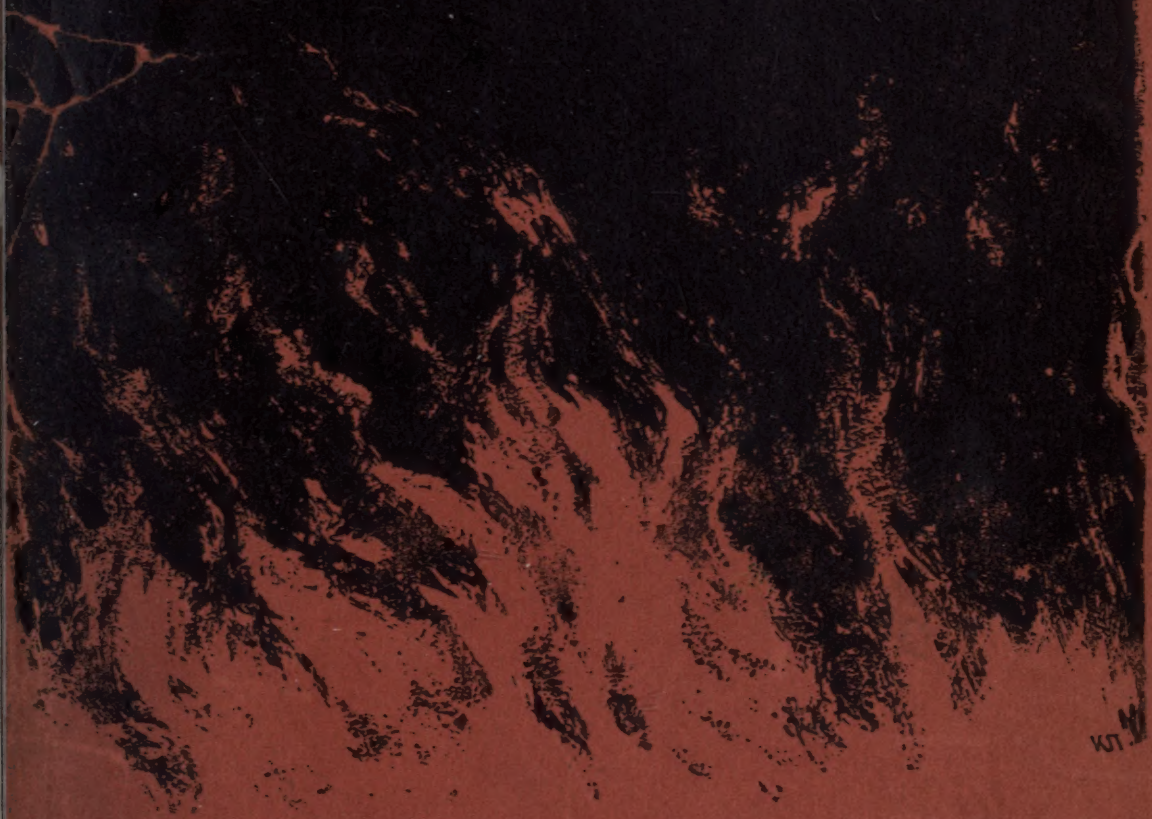
3 1761 06384257 9

ПѢСНИ БОРЬБЫ



МОСКВА

1906

ПѢСНИ БОРЬБЫ

Иллюстрированный сборникъ,
составленный Л. ГОРБУНОВОЙ.

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

Сборникъ иллюстрированъ Аллегро, Л. и Р. Браиловскими, Л. Пастернакомъ, В. Переплетчиковымъ, Наоковскимъ, В. Суреньянцемъ, Е. Ернфельдомъ, Шалинымъ и др.

МОСКВА.
—
1906.

LIBRARY
MAR 17 1999
UNIVERSITY OF TORONTO

Предисловіе.

Въ нашемъ сборникѣ впервые появляются въ печати стихотворенія: „Костры“ С. Яблоновскаго, сказка Топеліуса „Цыплята Юпитера“ и сказаніе „О книжникѣ и истинѣ“.

Стихотворенія: „Пѣсня ненависти“ Гервега и „Русскимъ друзьямъ“ Мицкевича переведены заново.

Всѣ иллюстраціи и виньетки, кромѣ снимковъ съ картинъ, нѣкоторыхъ портретовъ и виньетки Аллегро, сдѣланы вновь.

Въ составленіи сборника принималъ ближайшее участіе К. К. Первухинъ.

Всѣмъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе сборнику своимъ трудомъ, пожертвованіемъ рисунковъ, помѣщеніемъ объявленій и принятіемъ подписки, приношу свою глубокую благодарность.

Л. Г.

ПѢСНИ БОРЬБЫ.

(Arc de Triomphe), Барельефъ Рода.

Марсельеза.

(Руже де Лиля.)

Впередъ, сыны родного края!
Пришелъ день славы. Страшный врагъ,
Насильемъ право попирая,
На насъ поднялъ кровавый стягъ.
Въ селеньяхъ горе и тревога,
Смятенье, дикій крикъ солдатъ,
Зарѣзанъ сынъ, зарѣзанъ братъ,
У оскверненнаго порога.
    Къ оружію, граждане! На землю
    Пусть кровь безчестная падетъ,
    Строй батальоны, и впередъ,
    Впередъ, впередъ, впередъ!
Цари, отвергнутые нами,
Толпы измѣнниковъ, рабовъ,
Вы намъ готовили годами
Желѣзо тяжкое оковъ!
Для насъ, для насъ! Какое горе!
Французовъ смѣютъ оскорблять,
Задумавъ насъ въ безчестномъ спорѣ
Въ рабовъ старинныхъ обращать.
    Къ оружію, граждане...
        и т. д.

Какъ? Намъ грозятъ войска чужбины
Сковать закономъ нашъ очагъ,
И наши гордыя дружины
Въ пыли растопчетъ наглый врагъ?
О Боже, рабскими руками
Нашъ лобъ наклонятъ подъ ярмо...
Тиранамъ дерзкимъ суждено
Судьбы родной быть господами.
Къ оружію, граждане...
и т. д.
Дрожи, тиранъ, рѣшенье смѣло:
Измѣнѣ сгинуть суждено,
Братоубійственное дѣло
Уже разгадано давно.
Мы всѣ на бой пойдемъ рядами,
И если юный строй падетъ,
Сама земля произведетъ
Иныхъ бойцовъ на битву съ вами.
Къ оружію, граждане...
и т. д.
Пусть лягутъ старшіе въ могилу,
Тогда настанетъ нашъ чередъ,
Ихъ прахъ святой вдохнетъ въ насъ силу
И смѣлость новую вдохнетъ.
Идя на путь, покрытый славой,
Мы не хотимъ ихъ пережить,
Мы страстно жаждемъ отомстить
И раздѣлить ихъ гробъ кровавый.
Къ оружію, граждане...
и т. д.
На бой! Но милость и прощенье
Несчастнымъ жертвамъ и рабамъ,
Кого толкаетъ принужденье
На помощь жалкую врагамъ.

Имъ оказать мы милость рады,
Но смерть тиранамъ! Какъ прощать
Тигренка, душащаго мать?
Тиранамъ смерть, — и нѣтъ пощады!
Къ оружію, граждане...
и т. д.
Любовь къ отечеству святая,
Пошли намъ въ помощь месть свою,
И ты, свобода дорогая,
Храни защитниковъ въ бою,
Чтобъ, истомясь въ борьбѣ кровавой,
Подъ сѣнью вольности знаменъ,
Врагъ былъ разбитъ и пораженъ
Твоей побѣдой — нашей славой.
Къ оружію, граждане...
и т. д.

Пер. Вл. Ладыженскаго.

Hymne des Marseillais

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé!
Contre nous de la tyrannie
L'étendard sanglant est levé.
Entendez-vous dans les campagnes
Mugir ces féroces soldats?
Ils viennent jusques dans nos bras
Egorger nos fils, nos compagnes!
Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons,
Marchez, qu'un sang impur abreuve nos sillons

Rouget de Lisle

Автографъ Руже де Лиля.

Памяти Рылѣева.

Въ святой тиши воспоминаній
Храню я бережно года
Горячихъ первыхъ упованій,
Начальной жажды дѣлъ и знаній,
Попытокъ перваго труда.
Мы были отроки. Въ то время
Шло стройной поступью бойцовъ —
Могучихъ дѣятелей племя
И сѣяло благое сѣмя
На почву юную умовъ.

Вездѣ шептались. Тетради
Ходили въ спискахъ по рукамъ;
Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ
Звучащій стихъ свободы ради,
Таясь, твердили по ночамъ.
Бунтъ, вспыхнувъ, замеръ... Казнь
проснулась.
Вотъ пять повѣшенныхъ людей...
Въ насъ сердце, молча, содрогнулось.
Но мысль живая встрепенулась —
И путь означенъ жизни всей.
Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ свѣтомъ...
Отецъ по духу мнѣ родной —
Твое названье въ мірѣ этомъ
Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ

И путеводною звѣздой.
Мы стихъ твой вырвемъ изъ забвенья,
И въ первый русскій вольный день,
Въ виду младого поколенья
Твою страдальческую тѣнь.

Взойдетъ гроза на небосклонѣ —
И волны на берегъ съ утра
Нахлынутъ съ бѣшенствомъ погони,
И слягутъ бронзовые кони
И Николая и Петра;
Но образъ смерти благородной
Не смоетъ грозная вода,
И будетъ подвигъ твой свободный
Святыней въ памяти народной
На всѣ грядущіе года!

Н. Огаревъ.

Барельефъ.

Vis, necessitas et libertas*).

Высокая, костлявая старуха, съ желѣзнымъ лицомъ и неподвижно-тупымъ взоромъ идетъ большими шагами, и сухою, какъ палка, рукою толкаетъ передъ собою другую женщину.

Женщина эта — огромнаго роста, могучая, дебелая, съ мышцами, какъ у Геркулеса, съ крохотной головкой на бычачьей шеѣ и слѣпая — въ свою очередь, толкаетъ небольшую, худенькую дѣвочку.

У одной этой дѣвочки зрячіе глаза; она упирается, оборачивается назадъ, поднимаетъ тонкія, красивыя руки; ея оживленное лицо выражаетъ нетерпѣнье и отвагу... Она не хочетъ слушаться, она не хочетъ идти, куда ее толкаютъ... и все-таки должна повиноваться и идти. Кому угодно — пусть переводитъ.

И. Тургеневъ.

---

*) Сила, нужда и свобода.

Кто, волны, васъ остановилъ?
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій, —
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
Вы, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, — гроза, символъ свободы?
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

А. Пушкинъ.

Ликъ Медузы.

Ликъ Медузы, ликъ грозящій,
Всталъ надъ далью темныхъ дней.
Взоръ — кровавый, взоръ — горящій,
Волоса — сплетенье змѣй.
Это — хаосъ. Въ хаосъ черный
Насъ влечетъ, какъ въ срывъ, стезя.
Споримъ мы, иль мы покорны,
Намъ сойти съ пути нельзя.
Въ эти дни огня и крови,
Что сольются въ дикій бредъ,
Крикъ проклятій, крикъ злословій
Заклеймитъ тебя, поэтъ!
Но при заревѣ, у плахи,
На руинахъ всѣхъ святынь,
Славь тяжелыхъ ломовъ взмахи,
Лиры гордой не покинь.
Ты, кто пѣлъ безпечность смѣха
И святой покой могилъ,
Ты отъ вѣка — въ мірѣ эхо
Всѣхъ живыхъ, всѣхъ мощныхъ силъ.
Съ громомъ близокъ голосъ музы,
Древній хаосъ друженъ съ ней,
Здравствуй, здравствуй, ликъ Медузы,
Тамъ надъ далью темныхъ дней!

Валерій Брюсовъ.

Дѣдушка.

I.

Разъ у отца въ кабинетѣ
Саша портретъ увидалъ:
Изображенъ на портретѣ
Былъ молодой генералъ.
„Кто это?“ спрашивалъ Саша,
„Кто?“ — Это дѣдушка твой. —
И отвернулся папаша,
Низко поникъ головой.
„Что же не вижу его я?“
Папа ни слова въ отвѣтъ.
Внукъ, передъ дѣдушкой стоя,
Зорко глядитъ на портретъ:
„Папа, чего ты вздыхаешь?
Умеръ онъ... живъ? говори!“
— Выростешь, Саша, узнаешь.
„То-то... ты скажешь, смотри!...“

II.

„Дѣдушку знаешь, мамаша?“
Матери сынъ говоритъ.
„Знаю“. — И за руку Саша
Маму къ портрету тащитъ.

Мама идетъ противъ воли...
„Ты мнѣ скажи про него,
Мама! недобрый онъ, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сдѣлай
Милость, скажи что-нибудь!“
— Нѣтъ, онъ и добрый, и смѣлый,
Только несчастный. — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхаетъ, дрожитъ —
И зарыдала... А Саша
Зорко на дѣда глядитъ.
„Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать?“
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдемъ-ка гулять...

III.

Въ домѣ тревога большая,
Счастливы, свѣтлы лицомъ,
Заново домъ убирая,
Шепчутся мама съ отцомъ.
Какъ весела ихъ бесѣда!
Сынъ подмѣчаетъ, молчитъ.
— Скоро увидишь ты дѣда! —
Сашѣ отецъ говоритъ...
Дѣдушкой только и бредитъ
Саша, не можетъ уснуть:
„Что же онъ долго не ѣдетъ?“
— Другъ мой! далекъ ему путь! —
Саша тоскливо вздыхаетъ,
Думаетъ: „Что за отвѣтъ!“
Вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ
Этотъ таинственный дѣдъ.

IV.

Всѣ, ужъ давно поджидая,
Встрѣтили стараго вдругъ...
Благословилъ онъ, рыдая,
Домъ, и семейство, и слугъ,
Пыль отряхнулъ у порога,
Съ шеи торжественно снялъ
Образъ распятаго Бога
И, покрестившись, сказалъ:
„Днесь я со всѣмъ примирился,
Что потерпѣлъ на вѣку!...“
Сынъ предъ отцомъ преклонился,
Ноги омылъ старику;
Бѣлыя кудри чесала
Дѣдушкѣ Сашина мать,
Гладила ихъ, цѣловала,
Сашу звала цѣловать!
Правой рукою мамашу
Дѣдъ обхватилъ, а другой
Гладилъ румянаго Сашу:
— Экой красавчикъ какой!
Дѣдушку пристальнымъ взглядомъ
Саша разсматривалъ, — вдругъ
Слезы у мальчика градомъ
Хлынули, къ дѣдушкѣ внукъ
Кинулся: „Дѣдушка! гдѣ ты
Жилъ-пропадалъ столько лѣтъ?
Гдѣ же твои эполеты,
Что не въ мундиръ ты одѣтъ?
Что на ногѣ ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?...“
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцѣлуй старика!...

V.

Повеселѣлъ, оживился,
Радостью дышетъ весь домъ.
Съ дѣдушкой Саша сдружился,
Вѣчно гуляютъ вдвоемъ;
Ходятъ лугами, лѣсами,
Рвутъ васильки среди нивъ.
Дѣдушка древенъ годами,
Но еще бодръ и красивъ;
Зубы у дѣдушки цѣлы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и бѣлы,
Какъ серебро борода;
Строенъ, высокаго роста,
Но какъ младенецъ глядитъ,
Какъ-то апостольски-просто,
Ровно всегда говоритъ...

VI.

Выйдутъ на берегъ покатый
Къ русской великой рѣкѣ —
Свищетъ куликъ вороватый,
Тысячи лапъ на пескѣ;
Барку ведутъ бичевою,
Чу, бурлаковъ голоса!
Ровная гладь за рѣкою —
Нивы, покосы, лѣса.
Легкой прохладою дуетъ
Съ медленныхъ, дремлющихъ водъ...
Дѣдушка землю цѣлуетъ,
Плачетъ — и тихо поетъ...

„Дѣдушка! что ты роняешь
Крупныя слезы, какъ градъ?...“
— Выростешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я радъ...

VII.

— Радъ я, что вижу картину,
Милую съ дѣтства глазамъ.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее самъ!
Двѣ-три усадьбы дворянскихъ,
Двадцать Господнихъ церквей,
Сто деревенекъ крестьянскихъ
Какъ на ладони на ней!
У лѣсу стадо пасется —
Жаль, что скотина мелка;
Пѣсенка гдѣ-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропотъ: „подайте же руку
Бѣднымъ крестьянамъ скорѣй!“
Тысячелѣтнюю муку,
Саша, ты слышишь ли въ ней?...
Надо, чтобъ были здоровы
Овцы и лошади ихъ,
Надо, чтобъ были коровы
Толще московскихъ купчихъ, —
Будетъ и въ пѣснѣ отрада
Вмѣсто унынья и мукъ.
Надо ли? — „Дѣдушка, надо!“
— То-то! попомни же, внукъ!...

VIII.

Озими пышному всходу,
Каждому цвѣтику радъ,

Дѣдушка хвалитъ природу,
Гладитъ крестьянскихъ ребятъ.
Первое дѣло у дѣда —
Потолковать съ мужикомъ.
Тянется долго бесѣда,
Дѣдушка скажетъ потомъ:
„Скоро вамъ будетъ не трудно,
Будете вольный народъ!“
И улыбнется такъ чудно,
Радостью весь расцвѣтетъ.
Радость его раздѣляя,
Прыгало сердце у всѣхъ,
То-то улыбка святая!
То-то плѣнительный смѣхъ!

IX.

— Скоро дадутъ имъ свободу, —
Внуку старикъ замѣчалъ:
— Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видалъ:
Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь за расколъ;
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошелъ, —
Ѣдутъ туда комиссары,
Глядь — ужъ деревня стоитъ,
Риги, сараи, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ,
Мельницу выстроятъ скоро,
Ужъ запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки.
Вновь черезъ годъ побывали, —

Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричатъ, поросята
Тычутъ въ корыто носы...

X.

Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ —
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
Все принялось, раздобрѣло!
Сколько тамъ, Саша, свиней,
Передъ селеніемъ бѣло
На полверсты отъ гусей,
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копѣйка!
Бабу тамъ холитъ мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегрѣйка —
Изъ соболей воротникъ!

XI.

Дѣти до возраста въ нѣгѣ,
Конь — хоть сейчасъ на заводъ,
Въ кованой, прочной телѣгѣ
Сотню пудовъ увезетъ...
Сыты тамъ кони-то, сыты,

Каждый тамъ сыто живетъ,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ зато и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ,
Подати платятъ до срока,
Только ты имъ не мѣшай.
„Гдѣ жъ та деревня?“ — Далеко,
Имя ей: ТА̀РБАГАТАЙ,
Страшная глушь; за Байкаломъ...
Такъ-то голубчикъ ты мой!
Ты еще въ возрастѣ маломъ,
Вспомнишь, какъ будешь большой...

XII.

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругомъ?
Вотъ онъ, нашъ пахарь угрюмый,
Съ темнымъ, убитымъ лицомъ:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянетъ косулю клячонка,
Съ голоду еле жива!
Голоденъ труженикъ вѣчный,
Голоденъ тоже, божусь!
— Эй! отдохни-ка сердечный!
Я за тебя потружусь! —
Глянулъ крестьянинъ съ испугомъ,
Барину плугъ уступилъ;
Дѣдушка долго за плугомъ,
Потъ отирая, ходилъ;

Саша за нимъ торопился,
Не успѣвалъ догонять:
„Дѣдушка! гдѣ научился
Ты такъ отлично пахать?
Точно мужикъ, управляешь
Плугомъ, а былъ генералъ!“
— Выростешь, Саша, узнаешь,
Какъ я работникомъ сталъ!

XIII.

— Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо, мой другъ;
Счастье умовъ благородныхъ —
Видѣть довольство вокругъ.
Нынче полегче народу:
Стихъ, притаился въ тѣни
Баринъ, прослышавъ свободу...
Ну, а какъ въ наши-то дни!
. . . . . .
Словно, какъ омутъ, усадьбу
Каждый мужикъ объѣзжалъ.
Помню ужасную свадьбу:
Попъ уже кольца мѣнялъ,
Да на бѣду помолиться
Въ церковь помѣщикъ зашелъ!
„Кто имъ позволилъ жениться?
Стой!“ И къ попу подошелъ...
Остановилось вѣнчанье:
Съ бариномъ шутка плоха —
Отдалъ наглецъ приказанье
Въ рекруты сдать жениха,
Въ дѣвичью — бѣдную Грушу!
И не перечилъ никто!...

Кто же, имѣющій душу
Могъ это вынести?... Кто?...

XIV

Впрочемъ, не то еще было!
И не одни господа, —
Сокъ изъ народа давила
Подлыхъ подъячихъ орда.
Что ни чиновникъ—стяжатель
Съ цѣлью добычи въ походъ
Вышелъ... а кто непріятель?
Войско, казна и народъ!
Всѣмъ доставалось исправно;
Стачка, порука кругомъ:
Смѣлые грабили явно,
Трусы тащили тайкомъ.
Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ—имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.
Стоны рабовъ заглушая
Лестью да свистомъ бичей,
Хищниковъ алчная стая
Гибель готовила ей...

XV.

„Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ:
Каждой странѣ наступаетъ
Рано иль поздно чередъ,
Гдѣ не покорность тупая—
Дружная сила нужна;

Грянетъ бѣда роковая —
Скажется мигомъ страна.
Единодушье и разумъ
Всюду дадутъ торжество,
Да не придутъ они разомъ,
Вдругъ не создашь ничего, —
Краснорѣчивымъ воззваніемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой!...
Войско одно не защита,
Да вѣдь и войско — дитя,
Было въ то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...“

XVI.

Дѣдушка кстати солдата,
Встрѣтилъ, виномъ угостилъ,
Поцѣловавши, какъ брата,
Ласково съ нимъ говорилъ:
„Нынче вамъ служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а какъ въ наше-то время!
Что ни начальникъ, то звѣрь!
Душу вколачивать въ пятки
Правиломъ было тогда.
Какъ не трудись, — недостатки
Сыщетъ начальникъ всегда:
„Есть въ маршировкѣ старанье,

Стойка исправна совсѣмъ,
Только замѣтно дыханье...“
Слышишь ли?... Дышатъ зачѣмъ!

XVII.

А не доволенъ парадомъ, —
Ругань польется рѣкой,
Зубы посыплются градомъ,
Поретъ, гоняетъ сквозь строй!
Съ пѣною у рта обрыщетъ
Весь перепуганный полкъ,
Жертвъ покрупнѣе пріищетъ
Остервенившійся волкъ:
„Франтики! подлыя души!
Подъ карауломъ сгною!“
Слушалъ — имѣющій уши,
Думушку думалъ свою.
Брань пострашнѣй караула,
Пуль и картечи страшнѣй...
Кто же, въ комъ честь не уснула,
Кто примирился бы съ ней?..“
„Дѣдушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?... скажи!...“
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Честью всегда дорожи...

XVIII.

Дѣдъ замолчалъ и уныло
Голову свѣсилъ на грудь.
— Мало ли, другъ мой, что было!...
Лучше пойдемъ отдохнуть.
Отдыхъ не дологъ у дѣда —

Жить онъ не могъ безъ труда:
Гряды копалъ до обѣда,
Переплеталъ иногда,
Вечеромъ шиломъ, иголкой
Что-нибудь бойко тачалъ,
Пѣсней печальной и долгой
Дѣдушка трудъ сокращалъ.
Внукъ не проронитъ ни звука,
Не отойдетъ отъ стола:
Новой загадкой для внука
Дѣдова пѣсня была...

XIX.

Пѣлъ онъ о славномъ походѣ
И о великой борьбѣ;
Пѣлъ о свободномъ народѣ
И о народѣ-рабѣ;
Пѣлъ о пустыняхъ безлюдныхъ
И о желѣзныхъ цѣпяхъ;
Пѣлъ о красавицахъ чудныхъ
Съ ангельской лаской въ очахъ;
Пѣлъ онъ объ ихъ увяданьи
Въ дикой, далекой глуши,
И о чудесномъ вліяньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дѣдушка пѣлъ — и вздыхалъ,
Пѣлъ — и тоской вавилонской
Келью свою оглашалъ...
„Дѣдушка, дальше!... А гдѣ ты
Пѣсенку вызналъ свою?
Ты повтори мнѣ куплеты —
Я ихъ мамашѣ спою.

Портретъ кн. Волконской.

Тѣ имена поминаешь
Ты иногда по ночамъ...“
— Выростешь, Саша, узнаешь —
Все разскажу тебѣ самъ:
Гдѣ научился я пѣнью,
Съ кѣмъ и когда я пѣвалъ!...“
„Ну! пріучусь я къ терпѣнью!“
Саша уныло сказалъ...

XX.

Часто каталися лѣтомъ
Наши друзья въ челнокѣ.

Съ громкимъ, веселымъ привѣтомъ
Дѣдъ приближался къ рѣкѣ:
— Здравствуй, красавица-Волга!
Съ дѣтства тебя я любилъ. —
„Гдѣ жъ пропадалъ ты такъ долго?“
Саша несмѣло́ спросилъ.
— Былъ я далеко, далеко...
„Гдѣ же?...“ Задумался дѣдъ.
Мальчикъ вздыхаетъ глубоко,
Вѣчный предвидя отвѣтъ.
„Что жъ хорошо ли тамъ было?“
Дѣдъ на ребенка глядитъ.
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голосъ у дѣда дрожитъ):
— Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчикъ мой, трудно!
По году вѣсточки ждешь,
Видишь, какъ тратятся силы —
Лучшіе Божьи дары;
Близкимъ копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь... —
„Что жъ ты тамъ, дѣдушка,
жилъ?...“
— Выростешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронилъ...

XXI.

„Господи! слушать наскучитъ:
„Выростешь!“ мать говоритъ,
Папочка любитъ, а мучитъ:
Выростешь — тоже твердитъ!

То же и дѣдушка... Полно!
Я уже выросъ — смотри!..
(Сталъ на скамеечку чолна),
Лучше теперь говори!...“
Дѣда цѣлуетъ и гладитъ:
„Или вы всѣ заодно?...“
Дѣдушка съ сердцемъ не сладитъ:
Бьется, какъ голубь, оно.
„Дѣдушка, слышишь? хочу я
Все непремѣнно узнать!“
Дѣдушка, внука цѣлуя,
Шепчетъ: — Тебѣ не понять.
Надо учиться, мой милый!
Все разскажу, погоди!
Пособерись-ка ты съ силой,
Зорче кругомъ погляди.
Умникъ ты, Саша, а все же
Надо исторію знать
И географію тоже —
„Долго ли, дѣдушка, ждать?“
— Годикъ, другой, какъ случится. —
Саша къ мамашѣ бѣжитъ:
„Мама! хочу я учиться!“
Издали громко кричитъ.

XXII.

Время проходитъ. Исправно
Учится мальчикъ всему —
Знаетъ исторію славно
(Лѣтъ уже десять ему),
Бойко по картѣ покажетъ
И Петербургъ, и Читу,
Лучше большого разскажетъ

Многое въ русскомъ быту.
Глупыхъ и злыхъ ненавидитъ,
Бѣднымъ желаетъ добра,
Помнитъ, что слышитъ и видитъ...
Дѣдъ примѣчаетъ: пора!
Самъ же онъ часто хвораетъ,
Сталъ ему нуженъ костыль...
Скоро ужъ, скоро узнаетъ
Саша печальную быль...

Н. Некрасовъ.

Въ Сибирь.

(Декабристамъ.)

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдетъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжные норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

Оковы тяжкіе падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

1827 г. А. Пушкинъ.

Илька.

Карла Крамсу.

Былъ Илька родомъ изъ крестьянъ,
И все-таки при жизни
По благородству не имѣлъ
Онъ равнаго въ отчизнѣ.
Была тревожная пора,
Когда онъ въ міръ родился,
Но для борьбы, для этихъ бурь
Какъ разъ онъ и годился.
Впервые понялъ край родной,
Что значитъ озлобленье
Въ тѣ дни, какъ Клаусъ Флéмингъ въ немъ
Держалъ бразды правленья.
Вздыхали многіе о томъ,
Что правосудье пало;
Казалось, Ильку одного
Ничто не задѣвало.
Внимая жалобамъ крестьянъ,
Онъ отвѣчалъ словами:
„Вы горе будете нести —
Пока хотите сами.
Кто дальше жалобъ не идетъ,
Рабомъ лишь остается,
Но кто вступился за себя,
Тотъ правъ своихъ добьется.

Мужчина созданъ для борьбы
На жизнь и смерть... Повѣрьте:
Дорога къ счастію всегда
Близка къ дорогѣ смерти".
Быстрѣе пущеной стрѣлы
Слова его летѣли
Во всѣ концы родной страны,
И финны зашумѣли.
Распространился далеко
Пожаръ войны кровавой,
И имя Ильки навсегда
Она покрыла славой;
Для угнетателей пришла
Пора жестокой мести,
И лишь коварствомъ Ильку взять
Могли на полѣ чести.
Не всякій славою одной
За подвиги утѣшенъ:
Иныхъ и висѣлица ждетъ —
И Илька былъ повѣшенъ.
Но будутъ памятны всегда
Слова его народу:
„Ужъ лучше кончить жизнь въ петлѣ,
Чѣмъ потерять свободу".

Пер. Б.

Пѣснь къ защитникамъ свободы.

Шелли.

Смѣлѣе, смѣлѣе, смѣлѣй!
Есть кровь на землѣ, отказавшей намъ въ пищѣ.
Пусть кровь вашихъ ранъ, какъ рыданье очей,
Оплачетъ нашедшихъ пріютъ на кладбищѣ.
Какая же скорбь справедливѣй такой?
Тотъ съ другомъ разстался, тотъ — съ братомъ, съ женой...
Кто скажетъ, что битва ихъ смыла волной?

Проснитесь, проснитесь, проснитесь!
Тиранъ и невольникъ — враги-близнецы;
Разбейте оковы и рвитесь, и рвитесь!
Въ могилахъ вамъ внемлютъ сыны и отцы:
Ихъ кости въ безмолвныхъ гробахъ содрогнутся,
Когда на погостъ голоса донесутся
Тѣхъ смѣлыхъ, что рвутся на волю и бьются.

Пусть знамя горитъ высоко,
Когда за добычей помчится Свобода!
Пусть вѣтеръ его разсвѣваетъ легко,
Не вѣтеръ, а вздохи и голодъ народа.
И вы, вкругъ царицы сомкнувшись толпой,
Сражайтесь не въ битвѣ тупой и слѣпой,
Во имя Свободы идите на бой!

Вамъ слава, вамъ слава, вамъ слава!
Хваленье страдавшимъ въ великой борьбѣ!
Ничто не затмитъ наивысшее право,
Что вы завоюете въ битвѣ себѣ.
Не разъ возникалъ побѣдительный мститель,
Но тотъ настоящій герой-побѣдитель,
Кто — въ силѣ не мстя, надъ собою — властитель.

Скорѣе, скорѣе, скорѣй!
Вѣнчайтесь фіалкой, плющомъ и сосною!
Кровавыя пятна средь пышныхъ вѣтвей
Да скроются нѣжною ихъ пеленою:
Въ нихъ сила, надежда и вѣчности свѣтъ,
Но только забудьте про троицынъ цвѣтъ:
То память о прошломъ, — въ васъ прошлаго нѣтъ!

Пер. К. Бальмонта.

Ткачи.

Гейне.

Въ ихъ мрачныхъ глазахъ нѣтъ слезы ни одной —
Ткутъ ночью и днемъ они съ тайной тоской:
„Германія, саванъ сошьемъ мы тебѣ,
Проклятье отъ насъ, истомленныхъ въ борьбѣ...
Мы ткемъ день и ночь напролетъ.
„Проклятье мы шлемъ вашимъ жалкимъ богамъ, —
Они помогаютъ, но только не намъ;
Напрасно мы хлѣба молили въ нуждѣ,
Они отказали... нѣтъ правды нигдѣ...
Мы ткемъ день и ночь напролетъ.
„Проклятье мы шлемъ королю богачей
Не знаетъ онъ горя и муки ткачей;
Мы помнимъ его королевскій приказъ —
Какъ жалкихъ собакъ, онъ разстрѣливалъ насъ...
Мы ткемъ день и ночь напролетъ.
„Проклятье отчизнѣ, утратившей честь —
На родинѣ царствуютъ подлость и лесть;
Лишь только распустится нѣжный цвѣтокъ,
Его оскверняетъ могучій порокъ...
Мы ткемъ день и ночь напролетъ.
„Станокъ, нашъ кормилецъ, стучитъ веселѣй;
Мы ночь не смыкаемъ усталыхъ очей:
Для Старой Германіи саванъ готовъ...
Проклятье отчизнѣ владыкъ и рабовъ...
Мы ткемъ день и ночь напролетъ“.

Пер. Анатолія Доброхотова.

Поспѣшимъ, честь поругана.

Беранже.

О, когда бы я витяземъ былъ молодымъ,
Я бъ грозой полетѣлъ на крылатомъ конѣ.
Я сказалъ бы коню: мой, товарищъ, бѣжимъ
Къ затопленной слезами и кровью странѣ,
О, туда, гдѣ великая битва идетъ...
Поспѣшимъ, честь поругана!
Если бъ силу вести за собой я имѣлъ,
Я бы кличъ прокричалъ по родной сторонѣ,
Храбрецы отовсюду стеклись бы ко мнѣ,
Громъ тогда бы изъ пушекъ моихъ загремѣлъ,
Колыхнулись бы арміи грозной полки,
И сверкнули бы на солнцѣ штыки...
Поспѣшимъ, честь поругана!
Если богомъ я былъ бы, хоть на день одинъ,
О, тогда предъ судомъ бы моимъ до зари
Поровнялся бы съ бѣднымъ рабомъ господинъ,
Поблѣднѣли бы въ пышныхъ чертогахъ цари!
А народу — съ небесъ
Пролились бы потоки чудесъ.
Поспѣшимъ, честь поругана!
Поспѣшимъ... но вѣдь я только бѣдный пѣвецъ.
О Владыка небесъ, я взываю къ Тебѣ:
Ты — надежда людей, Ты — свободы отецъ,
Дай же голосъ мнѣ, голосъ, подобный трубѣ,
Чтобы скорбь свою міру я могъ возвѣстить:
Поспѣшимъ, честь поругана!

Пер. Скитальца.

Вольность.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру!
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла*),
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите:
Возстаньте, падшіе рабы!

Увы, куда не брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы;
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущеной мглѣ предразсужденій;

---

*) Андре Шенье.

Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ, надъ царскою главой,
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,

И преступленье съ-высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ.
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.

И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О, мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ,
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.

Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
И лишь главу снесла сѣкира,
Какъ самовластная порфира
На галлахъ скованныхъ лежитъ...

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ жестокой радостью я вижу!
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сверкаетъ,
И беззаботную главу
Спокойный сонъ къ себѣ склоняетъ,
Глядитъ задумчивый пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана—
Забвенью брошенный дворецъ *).

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами...
Онъ видитъ: въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоены,
Идутъ убійцы потаенны:
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ!

---

*) Дворецъ Павла, нынѣ — Михайловскій замокъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной.
О стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары,
Падутъ безславные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй,

Внемлите истинѣ цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари,
Ни вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.

1820 г. А. Пушкинъ.

Пѣсня о Буревѣстникѣ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо вѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, — и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ — жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

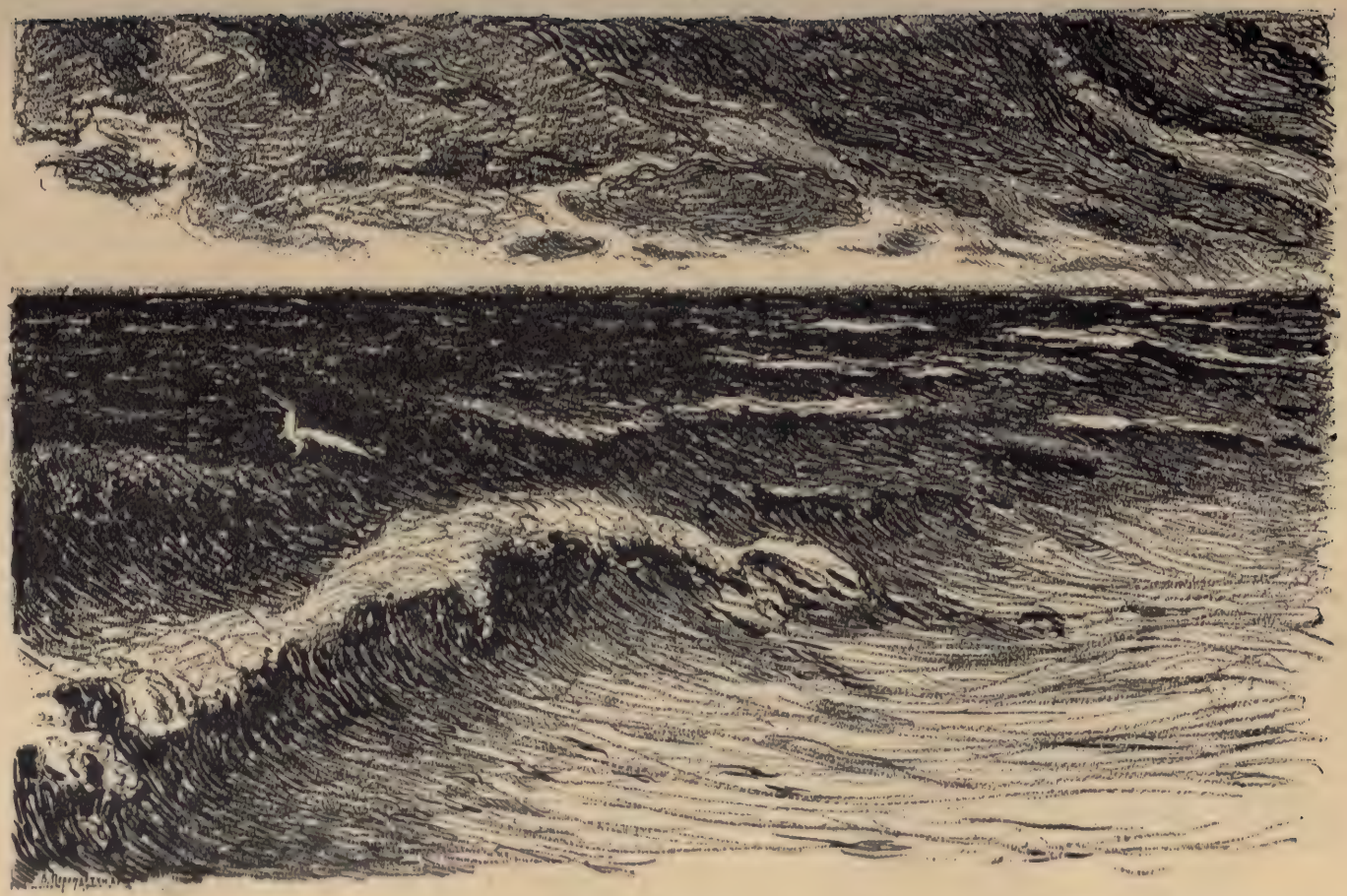
Чайки стонутъ передъ бурей, — стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ, — имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ... Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ, и пляшутъ волны въ высотѣ, навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.



Буревѣстникъ. Рис. В. Переплетчикова.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи, вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!...

М. Горькій.

Мысль.

Ее побивали камнями во прахъ,
Ее на крестѣ распинали,
Въ темницахъ томили и жгли на кострахъ,
И псамъ на съѣденье бросали.
  То пошлость, то глупость людская стѣной
  Повсюду ей путь заграждала,
  Но въ тайныя щели, какъ день золотой,
  Какъ воздухъ она проникала.
Изъ мрака неволи, изъ пепла костровъ
Сильна и прекрасна вставала,
И ржавыя цѣпи срывала съ рабовъ,
И спящихъ отъ сна пробуждала.
  И сѣяла правду она межъ людей,
  Средь лжи вѣковой и разврата, —
  Но бури раздоровъ шумѣли за ней
  И братъ поднимался на брата.
И правда для нихъ оставалась нѣма:
Ихъ думу лучи ослѣпляли,
И свѣтомъ казалась имъ прежняя тьма,
И свѣтъ они тьмой называли...

Д.

Мать и сынъ.

Андерсена.

Скажи мнѣ, мать, скорѣй, кто былъ моимъ отцомъ?
Я слышалъ, онъ считался безтрепетнымъ бойцомъ.
Зачѣмъ мы убѣжали изъ Венгріи родной?
Ночь цѣлую мнѣ снился отецъ родимый мой.
Еще мнѣ снился неба лазурнаго просторъ
И радуги сіянье, и даль Карпатскихъ горъ...
Весь въ радужномъ сіяньи родимый мой стоялъ;
Вокругъ него въ эфирѣ сонмъ ангеловъ леталъ...
Но съ петлею на шеѣ былъ милый мой отецъ,
Стоялъ онъ горделиво, какъ доблестный боецъ...
— Оставь! мою ты рану опять разбередилъ!
Онъ въ Венгріи далекой давно повѣшенъ былъ...
Стоялъ съ нѣмымъ презрѣньемъ на эшафотѣ онъ...
Ты былъ еще ребенкомъ въ день страшныхъ похоронъ.
Продать свою отчизну отецъ твой не хотѣлъ...
Чего глядишь ты злобно, чего ты поблѣднѣлъ?

Перев. Анатолія Доброхотова.

Впередъ.

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.

Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ.
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать.

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ,
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ...

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.

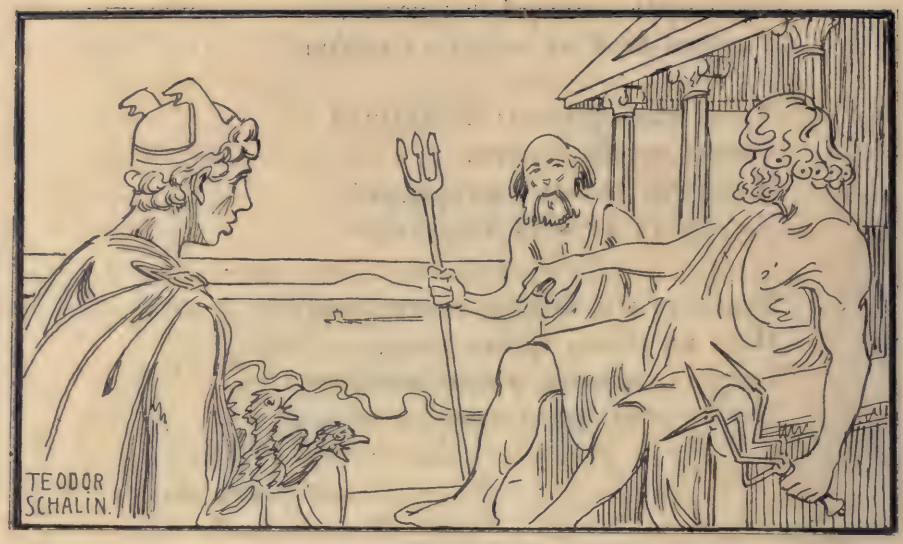
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ работахъ тяжкихъ истощилъ:

Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ.

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ.
И вѣрьте, голосъ благородный,
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.

Внемлите жъ, братья, слову брата:
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ, впередъ и безъ возврата
Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

А. Плещеевъ.



T. Schalin.

Цыплята Юпитера.

Сказка В. Топеліуса.

Зевсъ Кроніонъ, котораго римляне звали Юпитеромъ, спросилъ однажды Гебу, богиню юности: „А гдѣ мой орелъ? Уже трижды онъ позабывалъ метнуть молнію, а теперь не видно даже, чтобы онъ крылами разрѣзалъ облака, окутывающія Олимпъ.

— Твоему орлу, о великій Зевсъ, надоѣло одному носиться въ облакахъ. Онъ свилъ гнѣздо на горахъ земли и подыскалъ себѣ подругу.

— Глупецъ! Развѣ для него не довольно чести и счастья держать въ когтяхъ мои молніи?

— Да, великій Зевсъ, чести достаточно, но не счастья. Вѣдь и ты самъ, могучій отецъ боговъ, не хотѣлъ одинъ, безъ подруги, раздѣляющей твои тріумфы наслаждаться своимъ могуществомъ.

— Ступай, и пошли Меркурія къ орлу, и пусть онъ прикажетъ ему тотчасъ вернуться на высоты. Молнія сама по себѣ уже все; молнія не можетъ любить, а лишь свѣтить, убивать и уничтожать.

Посланникъ боговъ съ утреннимъ туманомъ спустился на землю, а съ вечерней зарей вернулся вновь на Олимпъ.

— Великій Зевсъ, сказалъ онъ, твой орелъ не можетъ вернуться: у него вывелись птенцы, за которыми нужно ходить.

— Что? Орелъ Юпитера и унизился до того, что завелъ цыплятъ?

— Молодыхъ орловъ, великій Зевсъ. Сначала онъ вступилъ въ бракъ съ Кондоршей, потомъ съ голубицей и, наконецъ, съ соколихой. Всѣ три покинули его, но отъ каждой у него осталось по птенцу; твой орелъ всеподданнѣйше проситъ освободить его отъ службы до тѣхъ поръ, пока не оперится его потомство.

Юпитеръ громовержецъ гнѣвно наморщилъ могучій лобъ и отъ его взгляда содрогнулся весь Олимпъ. — „Ступай, принеси мнѣ трехъ цыплятъ“.

Меркурій спустился на землю съ ночнымъ туманомъ, а съ утренней зарей ужъ вновь возвратился. Въ складкахъ своего одѣянія онъ принесъ трехъ еще неоперившихся орленковъ, которые широко разѣвали желтые клювы, такъ какъ эфиръ, которымъ дышали боги, былъ для нихъ слишкомъ разряженъ.

— Нептунъ — презрительно позвалъ Юпитеръ — забрось это негодное отродье въ Егейское море.

И Нептунъ приподнялъ изъ волнъ свою зеленую бороду, насадилъ на трезубецъ трехъ птенцовъ и швырнулъ ихъ въ море.

Но три молодыхъ орленка быстро оперившись поплыли къ берегу.

— Что?! закричалъ Громовержецъ, цыплята умѣютъ плавать...

Плутонъ, кинь ихъ въ Оркусъ и завали входъ горой Оссой.

Плутонъ, привыкши копаться въ горахъ, съ удовольствіемъ исполнилъ приказъ. „Можетъ быть одной Оссы недостаточно“, подумалъ онъ съ жестокой улыбкой „дай, я подобно Титанамъ, навалю на нее еще и Пеліонъ“.

Надъ Оркусомъ витали тьма и смерть. Но три молодыхъ орленка выползли изъ-подъ горы, прорыли себѣ ходъ на поверхность земли и отважно усѣлись на вѣтвяхъ оливковаго дерева на берегу рѣки Олимпа.

Но теперь у нихъ даже подросли когти и окрѣпли клювы.

Замѣтивъ ихъ, Юпитеръ въ гнѣвѣ призвалъ къ себѣ кователя Вулкана.

Эти наглые цыплята осмѣливаются ослушиваться моего смертнаго приговора, — сказалъ онъ. — Ступай Вулканъ, сбрось ихъ въ огненную пасть Этны, и пусть она выплюнетъ ихъ вмѣстѣ съ лавой.

— Ну, отъ меня-то они не уйдутъ, — усмѣхнулся кователь.

— Можетъ быть Этна недостаточно раскалена; чтобы было вѣрнѣе, я сначала размозжу ихъ молотомъ.

И ужасный молотъ опустился на несчастныя жертвы... а потомъ ихъ кровавые останки были брошены въ Этну. Юпитеръ съ удовольствіемъ любовался огненнымъ заревомъ, поднимавшимся изъ нея къ вечернему небу.

Съ завтрашняго дня, сказалъ онъ себѣ, орелъ опять начнетъ управлять моей молніей.

Но на слѣдующее утро Меркурій, блѣдный отъ страха, предсталъ передъ трономъ Громовержца.

Великій Зевсъ, — сказалъ онъ, молодые орлы, которыхъ ты повелѣлъ сжечь въ Этнѣ, сидятъ теперь на вершинѣ Парнасса и у нихъ уже выросли крылья.

На всемъ свѣтѣ воцарилась тишина; отецъ вселенной притихъ какъ школьникъ, котораго только что высѣкли. Наконецъ, онъ приказалъ:

— Позвать ко мнѣ Тирезія.

И прорицатель Тирезій изъ странъ елисейскихъ явился.

— Говорятъ, обратился къ нему Зевсъ, что тебѣ извѣстно все, что было и прошло.

— Совершенно справедливо, великій Зевсъ, я — сынъ Парокъ. Но, кромѣ того, я предвижу и то, что будетъ, но чего еще пока нѣтъ.

— Хорошо же! Отгадай мнѣ загадку: мой орелъ запустилъ свою службу, сталъ небрежно управлять молніей, потому что выхаживалъ своихъ птенцовъ. Я приказалъ выбросить цыплятъ въ море, засыпать ихъ землей, спалить огнемъ, а они теперь спокойно возсѣдаютъ на вершинѣ Парнасса. Мало того, у нихъ за это время отросли когти и появились крылья.

— Все сіе мнѣ извѣстно, великій Зевсъ. Эти твои цыплята — буревѣстники грядущихъ вѣковъ. Вѣдь когда-нибудь, да должны же они были явиться?

— Понимаю. Ты хочешь дать мнѣ понять, что я напустилъ на нихъ три элемента, и позабылъ четвертый, которому они въ сущности подвластны? Хорошо. Я прикажу Эолу развѣять ихъ въ прозрачномъ воздухѣ подобно голубоватому дыму!

— Нѣтъ, великій Зевсъ! Ты умѣешь повелѣвать, но не разумѣешь наивысшія силы управляющія самими правителями. Напрасно приковалъ ты Прометея къ скалѣ и твоя десница не властна надъ посланными судьбой; они искры отъ твоей молніи и, слѣдовательно, безсмертны.

— Что! Вмѣсто того, чтобы отгадать мою загадку, ты задаешь мнѣ новую?

Говори яснѣе!

У твоего молніеноснаго орла и кондорши, обитающей на высочайшихъ вершинахъ, вывелся птенецъ. Развѣ же ты не понимаешь, что этотъ птенецъ — мысль, полетъ которой ничѣмъ нельзя связать? Потомъ у твоего орла и голубицы родился второй птенецъ; неужели ты не вѣдаешь, что онъ есть вѣра, которая съ помощью любви и доброты управляетъ міромъ? Наконецъ, орелъ и соколиха произвели третьяго птенца — и какъ же ты не догадаешься, что ихъ потомство есть вѣчно готовое на бой, вѣчно подгоняющее человѣчество впередъ — слово?! Каждый изъ птенцовъ унаслѣдовалъ кое-что отъ отца и кое-что отъ матери: отъ отца имъ достались искры молніи и свобода. Люди, какъ и ты, вѣчно преслѣдуютъ, мучаютъ и убиваютъ свободную мысль, свободную вѣру и свободное слово. И также, какъ и ты, они вѣчно бываютъ принуждены признать свое безсиліе въ борьбѣ съ ними. Послѣ каждаго преслѣдованія, мученичества и смерти, они рожденные свободными, должны крѣпнуть и лучше вооружаться. Близорукій властелинъ времени, но не вѣчности! ты собираешься убить то, что безсмертно.

Все небо потемнѣло отъ тучъ, окутавшихъ чело Юпитера.

— Свободные, говоришь ты, свободные? Но что если эти трое отважатся возстать противъ моей единоличной власти?

— Тогда и ты окажешься безсильнымъ противъ буревѣстниковъ грядущихъ вѣковъ.

Зевсъ Кроніонъ, котораго римляне звали Юпитеромъ, ощутилъ страшное искушеніе зашвырнуть зазнавшагося прорицателя елисейскихъ блаженныхъ странъ въ черную глубину Оркуса. Но онъ былъ настолько

богомъ, чтобы умѣть прощать и въ то же время, настолько идоломъ, что умѣлъ прощать лишь вполовину.

— Тирезій, — сказалъ онъ, — я не уничтожаю тебя за дерзкій совѣтъ, который ты осмѣливаешься дать властителю Олимпа, а лишь даю тебѣ достойное тебя назначенье — возвожу въ санъ учителя въ блаженныхъ елисейскихъ поляхъ.

Пер. Л. Горбуновой.

„Новгородъ“. Рис. Ноаковскаго.

Новгородъ.

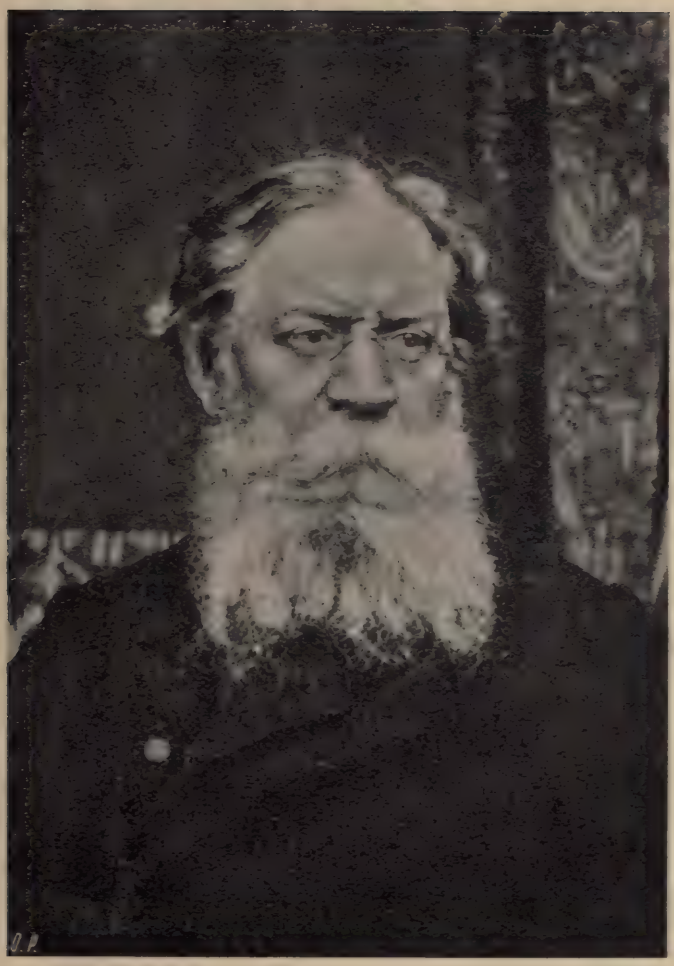
Время пролетѣло
Слава прожита
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.
  Городъ воли дикой,
  Городъ буйныхъ силъ,
  Новгородъ великій
  Тихо опочилъ.
Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.

Порѣшили дѣло —
Все кругомъ молчитъ;
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.
Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ,
И поетъ съ любовью
О свободныхъ дняхъ.
Русскій пѣснѣ внемлетъ,
Онъ ее пойметъ, —
О опять задремлетъ,
И опять заснетъ.

Э. Губеръ.

Памяти П. Л. Лаврова.

О, дочь моя, не плачь, и вы, мои друзья,
Нѣмую скорбь свою умѣрьте!
Пусть ночь спускается, я не боюсь ея,
Я не боюсь холодной смерти.
Вы долго были мнѣ, товарищи, семьей,
И мнѣ разстаться съ вами больно,
Но умереть легко. Итогъ подведенъ мой.
Здѣсь, на землѣ, я жилъ довольно.
Ужъ голова моя давно бѣла, какъ снѣгъ.
И руки немощно повисли.
Но жилъ не даромъ я. Мой долголѣтній вѣкъ
Былъ вѣкъ труда, борьбы и мысли.
Когда родился я, рабыни громкій плачъ
Звучалъ мнѣ пѣсней колыбельной,
Звенѣли кандалы и ликовалъ палачъ
Съ насмѣшкой наглою, съ обидою смертельной.
Какъ тридцать краткихъ дней, минуло тридцать лѣтъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ я впервые
На крылья вѣщихъ бурь, пророчившихъ разсвѣтъ,
Мои слова крылатыя, живыя.
Какъ туча острыхъ стрѣлъ, колеблясь и звеня
Они помчались вдаль дорогою поспѣшной,
И легъ за ними слѣдъ багроваго огня
На небесахъ, во тьмѣ кромѣшной.



П. Л. Лавровъ.

И пало сѣмя ихъ, и выросло вездѣ —
Сквозь камни мостовой, изъ каждой щели узкой,
На дремлющемъ лугу, и въ сѣрой бороздѣ
Неурожайной нивы русской.
И выросли вездѣ геройскія сердца,
Великой полныя любовью,
Готовыя идти на подвигъ до конца,
И на алтарь излиться кровью.
И выросли изъ нихъ въ родномъ краю,
Какъ изъ стальныхъ зубовъ дракона,
Младые воины, готовые въ бою
Иль побѣдить, иль пасть безъ стона.
Отвага ихъ кипитъ, и множится число,
И покрываетъ всѣ потери.
Свирѣпому врагу на горе и на зло
Готова жизнь открыть имъ двери.
Дрожитъ невѣжества чугунный пьедесталъ,
И старый идолъ, богъ порока,
Шатается и ждетъ, чтобъ день суда насталъ,
И этотъ день ужъ недалеко.
Прощайте, я усталъ. Разстаться намъ пора.
Въ глазахъ туманъ, дышать мнѣ трудно.
Ужъ я не доживу до новаго утра,
Засну навѣки непробудно.
Пускай! Не страшно мнѣ. Я вижу впереди
Начало лучшаго восхода.
Ему служилъ и я. Нѣмая смерть, иди!
Да здравствуетъ любовь, да здравствуетъ свобода!...

Танъ.

Къ солнцу.

Пока я живъ — не отступлю!...
Пускай чернѣетъ ночь угрюмо, —
Въ душѣ цвѣтетъ о солнцѣ дума,
Свободу я, какъ жизнь люблю!
Я не хочу за гранью скалъ,
Въ заливѣ, бурямъ недоступномъ,
Забыться мирнымъ сномъ преступнымъ...
Неси впередъ, могучій валъ!

Н. Шрейтеръ.

Съ картины Е. Делакруа.

Свобода.

Шелли.

Лучезаренъ губительной молніи блескъ,
Въ часъ, когда разразится на небѣ гроза,
Когда слышенъ морской оглушительный плескъ,
И вулкана горятъ огневые глаза,
И, зимы потрясая незыблемый тронъ,
На рожкѣ заиграетъ Тифонъ.
Вспышка молніи въ тучѣ одной задрожитъ, —
Озаряются сотни морскихъ острововъ,

Сотрясется земля, — городъ въ прахѣ лежитъ,
И десятки трепещутъ другихъ городовъ,
И глубоко внизу подъ разъятой землей
Слышенъ ревъ, слышенъ яростный вой.
Но свѣтлѣй твои взоры, чѣмъ молніи блескъ,
По землѣ ты проходишь быстрѣй, чѣмъ гроза,
Заглушаешь ты моря неистовый плескъ,
Предъ тобою вулканъ закрываетъ глаза,
Солнце ликъ предъ тобой потускнѣлъ и поблекъ,
Какъ болотный ночной огонекъ.
Какъ зиждительный ливень могучей весны,
На незримыхъ крылахъ ты надъ міромъ летишь
Отъ народа къ народу, въ страну изъ страны,
Отъ толпы городской въ деревенскую тишь.—
И горитъ за тобой, тѣни рабства гоня,
Нѣжный лучъ восходящаго дня

Пер. К. Бальмонта.

Пѣсня волковъ.

Петефи.

Реветъ и воетъ вѣтеръ;
Угрюмъ небесный сводъ,
То снѣгъ валитъ клочками,
То частый дождь идетъ.

Кругомъ все степь глухая,
И въ день не сыщешь тутъ
Ни кустика, въ которомъ
Нашелся бы пріютъ;
Морозъ да голодуха,
Подобно двумъ врагамъ
Идутъ безъ сожалѣнья,
За нами по пятамъ.
Ружье — нашъ третій недругъ,
И онъ страшнѣй ихъ всѣхъ;
Не разъ ужъ нашей кровью
Смочился бѣлый снѣгъ.
Мы дрогнемъ, голодаемъ,
Намъ мясо рвутъ свинцомъ,
Мы нищіе, — но все же
На волѣ мы живемъ.

Пер. Михайлова.

На баррикадѣ.

Барбье.

Когда взошла заря, и страшный день багровый,
Народый день насталъ,
Когда гудѣлъ набатъ, и крупный дождь свинцовый
По улицамъ хлесталъ;
Когда Парижъ взревѣлъ, когда народъ воспрянулъ,
И малый сталъ великъ,
Когда скопившійся вѣками грозно грянулъ
Громъ злобы, страшенъ, дикъ, —
Конечно, не было тамъ видно ловко сшитыхъ
Мундировъ нашихъ дней:
Тамъ дѣйствовалъ напоръ лохмотьями прикрытыхъ,
Запачканныхъ людей.
Чернь грязною рукой тамъ ружья заряжала
И закопченнымъ ртомъ
Въ пороховомъ дыму неистово кричала:
„Умремъ!“
А эти баловни въ натянутыхъ перчаткахъ
Съ батистовымъ бѣльемъ,
Женоподобные, въ корсетахъ, на подкладкахъ,
Тамъ были ль подъ ружьемъ?
Нѣтъ! Ихъ тамъ не было, когда все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та чернь великая и сволочь та святая
Къ безсмертію неслась.

На баррикадѣ.

Рисунокъ Л. Пастернака.

А тѣ господчики, боясь громовъ и блеску
И слыша грозный ревъ,
Дрожали гдѣ-нибудь, вдали, за занавѣску
На корточки присѣвъ.
Ихъ не было въ виду, ихъ не было въ поминѣ
Средь общей свалки тамъ,
Затѣмъ, что, — видите ль свобода, — не графиня,
И не изъ модныхъ дамъ,
Которыя, нося на истощенномъ ликѣ
Румянъ карминныхъ слой,
Готовы въ обморокъ упасть при первомъ крикѣ,
Подъ первою пальбой.
Свобода — женщина съ здоровой, мощной грудью,
Съ загаромъ на щекѣ,
Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудью,
Дымящимся въ рукѣ;
Свобода—женщина съ покойнымъ, твердымъ шагомъ,
Со взоромъ огневымъ,
Подъ гордо вѣющимъ по вѣтру краснымъ флагомъ,
Подъ дымомъ боевымъ.
И голосъ у нея — не женственный сопрано:
Ни жерлъ чугунныхъ рядъ,
Ни мѣдь колоколовъ, ни шкура барабана
Его не заглушатъ.
Свобода — женщина; но въ сладострастьи щедромъ
Избранникамъ вѣрна,
Могучихъ лишь однихъ къ своимъ пріемлетъ нѣдрамъ
Могучая жена.
Ей нравится плебей, окрѣпнувшій въ проклятьяхъ,
А не гнилая знать,
И въ свѣжей кровію дымящихся объятьяхъ
Ей любо трепетать.
Плебейка гордая, она съ отрадной рѣчью
Являлась намъ въ стѣнахъ,

Избитыхъ ядрами, унизанныхъ картечью,
Съ улыбкой на устахъ.
У ней огонь въ зрачкахъ, въ ланитахъ — жизни краска;
Дыханье — горячо,
Лохмотья, нагота, трехцвѣтная повязка
Чрезъ голое плечо...
Она пришла: народный жребій вынутъ.

. . . . . .

Пер. Курочкина.

Самсонъ.

Изъ Свѣтозара Гурбана.

Черные годы мучительной страды
Идутъ и идутъ одинъ за однимъ,
Тьма безъ просвѣта и гнетъ безъ пощады
Царствуютъ властно надъ краемъ роднымъ;
О, неужели проклятая сила
Въ сердцѣ народномъ огонь загасила?

Смиренъ словакъ и несетъ молчаливо
Все, что судьба посылаетъ въ удѣлъ.
Сердце народа въ бѣдѣ терпѣливо,
Но и терпѣнью бываетъ предѣлъ.
Платитъ онъ подати потомъ кровавымъ,
Кровью жъ отплатитъ за раны неправымъ.

Смиренъ словакъ... Но придетъ его время, —
Грозенъ, могучъ, какъ плѣненный Самсонъ,
Долго сносившій въ молчаніи бремя,
Сброситъ онъ съ духа ожившаго сонъ,
И пробужденью силы народной,
Горы откликнутся пѣсней свободной.

Вспомнитъ онъ голодъ, нужду и страданье,
Раны, обиды, и съ силой тряхнетъ
Тяжкаго рабства проклятое зданье,
Рухнетъ тогда на тирановъ ихъ гнетъ.
Нѣтъ, не убили унылые годы
И не убьютъ въ его сердцѣ свободы...

Пер. В. Смирнова.

Пѣсня.

За грядущую свободу,
Обагренную въ бою
Я возставшему народу
Эту пѣсню отдаю.

Эта пѣсня дружно грянетъ,
Загудитъ слѣпой набатъ,
И до неба грозно встанетъ
Гребень черныхъ баррикадъ.

Пусть захлещетъ градъ свинцовый,
Встрѣтятъ смѣло — рать на рать,
Кто за счастье жизни новой
Знаетъ счастье — умирать.

И надъ залпами взметнется
Пѣсни гнѣвный ураганъ,
И въ чертогѣ содрогнется
Съ тайнымъ трепетомъ тиранъ.

Крѣпче бей, желѣзный молотъ!
Вспыхни кровью небосводъ!
Пусть падетъ во прахъ расколотъ,
Рабства древняго оплотъ.

Ужасъ блѣдный въ небо кинетъ
Брызги пламенной волны.
Казнь народная не минетъ
Всѣхъ измѣнниковъ страны.

Такъ взвивайся выше, пламя!
Закипай, послѣдній бой!
Знамя красное надъ нами
Рвется огненной мечтой.

За грядущую свободу,
Освященную въ бою,
Я возставшему народу
Эту пѣсню отдаю.

Георгій Черный.

Рылѣевъ. Мицкевичъ. Бестужевъ.

Русскимъ друзьямъ.

Адама Мицкевича.

Вы помните-ль меня? Какъ часто предо мною
Встаютъ изгнанье, казнь, страданія друзей,
Я уношуся къ вамъ; родимою семьею
Рядъ иноземныхъ лицъ живетъ въ душѣ моей.

Гдѣ вы?... Рылѣева не гнувшаяся шея,
Которую какъ братъ я обнималъ рукой,
Затянута петлей по манію злодѣя.
Проклятье палачамъ вождей страны родной...

Рука Бестужева — поэта и героя —
Сжимавшая мою, — отъ лиры и меча
Отторгнута царемъ, и ходъ подземный роя,
Сплелася съ польскою, тяжелый грузъ влача.

Иному, можетъ-быть — подумать даже трушу —
Казнь выпала страшнѣй: чинами заклейменъ,
За ласку царскую навѣкъ онъ продалъ душу
И ползаетъ въ сѣняхъ и лижетъ царскій тронъ.

Продажнымъ языкомъ царю онъ льститъ съ любовью,
Увеселяется мученьями друзей,
Залилъ родной мой край моей родною кровью
И счастливъ, можетъ быть, продажностью своей.

Когда въ страну снѣговъ къ полночному народу
Изъ вольной стороны напѣвъ мой къ вамъ дойдетъ
Пускай онъ пропоетъ вамъ милую свободу,
Какъ крики журавлей поютъ весны приходъ.

Меня узнаете по голосу... Въ оковахъ
Предъ деспотомъ въ тиши я ползалъ, словно змѣй,
Но вамъ я открывалъ и тайны думъ суровыхъ,
И голубиную любовь души моей.

Теперь я вылилъ въ міръ ядъ жгучей укоризны,
Онъ ѣдокъ, этотъ ядъ, его ожоги злы,
Я высосалъ его изъ слезъ, изъ ранъ отчизны;
Пускай онъ ѣстъ не васъ, а ваши кандалы!

А если кто изъ васъ порывъ мой осуждаетъ —
Тотъ гадокъ мнѣ, какъ песъ, такъ любящій плясать
На крѣпкой привязи, что за руку кусаетъ
Того, кто захотѣлъ съ него ошейникъ снять.

Перев. Сергѣя Яблоновскаго.

Впередъ!

Лонгфелло.

Чрезъ Альпы шелъ юноша.
Ночь опускала туманныя тѣни кругомъ...
Высоко рука его знамя держала
Со страннымъ девизомъ на немъ:
Впередъ!
Чело отражало глубокія муки,
Сверкалъ его взоръ, какъ кинжалъ,
И голосъ далеко, какъ трубные звуки,
Невѣдомый лозунгъ вѣщалъ:
Впередъ!
Горитъ огонекъ средь окрестныхъ селеній,
Глядитъ такъ привѣтливо онъ,
А здѣсь ледники, какъ толпы привидѣній...
Изъ устъ его вырвался стонъ:
Впередъ!
„Вернися назадъ ты отъ грозныхъ преддверій“,
Даетъ ему старецъ совѣтъ.
„Гнѣздятся тамъ бури средь черныхъ ущелій“...
Но юноша громко въ отвѣтъ:
Впередъ!
„Постой, отдохни...“ ему дѣва шептала,
„Склонись мнѣ на грудь головой“...
На очи лазурныя грусть набѣжала,
Но онъ отвѣчалъ со слезой:
Впередъ!

Промолвилъ прохожій, что съ нимъ повстрѣчался:
„Страшися опасныхъ лавинъ!“
Но юноши голосъ далеко раздался
Съ святого Бернарда вершинъ:
Впередъ!
Подъ снѣгомъ героя собака отрыла,
Покоился вѣчнымъ онъ сномъ,
И знамя въ застывшей рукѣ его было,
И странное слово на немъ:
Впередъ!
Въ холодномъ сіяньи луча заревого
Прекрасенъ былъ ликъ молодой.
И съ неба слетѣло то чудное слово,
Падучею яркой звѣздой.
Впередъ!

Перев. А. Симонова.

Первая мученица.

Рис. Л. Браиловскаго.

Первая мученица.

Антона Ашкарцъ.

(Древнеегипетская сказка.)

Дрова уже готовы; надъ ними
Къ столбу прислонилась она...
Несчастная дѣвушка! Скоро
Ты въ прахъ превратиться должна.

Веревками скручены члены,
Покрововъ своихъ лишены.
Ты кажешься дивной богиней,
Не дочерью Нильской страны.

Волнуются кудри по вѣтру,
И молча глядитъ она внизъ:
На площадь, гдѣ казнь совершится,
Сбирается цѣлый Мемфисъ.

Въ безвѣстную даль она смотритъ,
Но чѣмъ же зажженъ ея взоръ?
Надеждой на жизнь послѣ смерти,
Сознаньемъ, что казнь не позоръ...

Но вотъ и жрецы показались,
У каждаго факелъ горитъ;
То — Аписа слуги святые,
И главный изъ нихъ говоритъ:

„Не знаемъ мы, кто она родомъ,
Откуда въ нашъ край забрела;
Отца или матери имя
Назвать она намъ не могла;

Росла ли въ стѣнахъ Вавилона,
Цвѣла ли въ одной изъ долинъ,
Священнаго Ганга, пришла ли
Изъ мудрыхъ великихъ Аѳинъ —

Не знаемъ... Съ тѣхъ поръ, какъ судили
Премудрымъ велѣньемъ своимъ
Намъ жить Озирисъ и Изида,
Съ тѣхъ поръ, какъ мы Аписа чтимъ,

Подобной не знали мы дѣвы;
И страшенъ намъ смыслъ ея словъ,
Насмѣшка надъ старымъ порядкомъ,
Надъ вѣрою нашихъ боговъ.

Объ этихъ превратныхъ идеяхъ
Нигдѣ не гласятъ писмена.
На нашихъ папирусахъ древнихъ
Найти не могла ихъ она...

Напрасно ее мы старались
Бичами принудить молчать,—
Она продолжала надъ Ниломъ
Вездѣ населенье смущать.

На руки и ноги надѣли
Ей цѣпи желѣзныя мы,
И бросили гнить ея тѣло
На прѣлой соломѣ тюрьмы...

Но ночью отверзлись ворота,
Раскрылся тяжелый засовъ...
И вышла на свѣтъ она снова,
Свободна отъ путъ и оковъ.

Жестоко разгнѣваны боги,
Намъ жертвой смягчить ихъ пора...
Сожжемте ее, египтяне,
Она заслужила костра.

Зажгите! И вспыхнуло пламя,
И дымомъ ликъ дѣвы обвитъ,
Огонь ея члены ласкаетъ,
Но дѣва съ улыбкой глядитъ.

Что кроется въ этой улыбкѣ,
Чѣмъ мысли ея заняты?
Надеждой на жизнь послѣ смерти,
Сознаньемъ своей правоты.

Свѣти же ты, яркое пламя,
На сфинксы, на рядъ пирамидъ,
Разсѣй пелену предразсудковъ,
Которою міръ нашъ покрытъ.

О, свѣтъ!... Воцарилось молчанье,
Сталъ пепломъ остывшій костеръ...
Гдѣ дѣва отважная? Гдѣ ты,
Безсмертія чаявшій взоръ?

Но что это снова изъ пепла
Встаетъ предъ очами жрецовъ?
Она — эта чудная дѣва!
Нестрашно ей пламя костровъ.

„О кто же ты, фениксъ чудесный,
Волшебница, кто ты? открой!“
И дѣва насмѣшливо молвитъ,
Съ поднятою гордо главой:

„Я съ самою смертью боролась,
И встала окрѣпшей въ борьбѣ,
Свободная мысль — мое имя,
Весь міръ покорю я себѣ“.

Перев. Н. Новича.

Казнь жирондиста.

Тронулась въ путь колесница позорная...
Узникъ какъ снѣгъ побѣлѣлъ.
Сердце окутало облако черное,
Умъ отъ тоски онѣмѣлъ.
Онъ истомился за ночь безпредѣльную
Нечеловѣческихъ мукъ...
Лишь отдается въ немъ болью смертельною
Сердца усиленный стукъ.
Словно сквозь дымку тумана
Движется море головъ,
Слышится бой барабана,
Слышится топотъ шаговъ.
Все это ждалъ онъ — и все неожиданно
Какъ-то случилося вдругъ.
Люди бѣгутъ, какъ на праздникъ невиданный...
Всѣхъ ихъ любилъ онъ какъ другъ!
Страшныя тѣни царятъ надъ душою,
Выплывутъ, снова нырнутъ...
Грудь наболѣвшую съ болью тупою
Медленно, медленно рвутъ.
Что-то рыдаетъ... Туманится взглядъ...
Мрачно и страшно... Назадъ, о, назадъ!

Поздно... Напрасны тоска и рыданія...
Ахъ какъ свѣтло назади!
Вонъ промелькнуло знакомое зданіе —
Дрогнуло что-то въ груди...

Онъ наклонился, глядятъ любопытные, —
Это родной его домъ.
Плачутъ тамъ мать и сестра... Беззащитныя!
Здѣсь за любимымъ окномъ,
Первую книгу прочелъ онъ завѣтную:
Другомъ была ему книга дана,
Вечеромъ сѣлъ онъ и ночь безпримѣтную
Съ нею провелъ онъ безъ сна.
Помнитъ: онъ всталъ обновленнымъ,
Къ другу скорѣй побѣжалъ;
Крѣпко въ порывѣ смущенномъ
Руку ему онъ пожалъ.
И полилися вдругъ слезы блаженныя...
День этотъ вмѣстѣ они провели,
Плача давали обѣты священные,
Въ жертву себя обрекли...
Бѣдный ребенокъ! Въ тотъ радостный день
Первую къ гробу прошелъ ты ступень!...

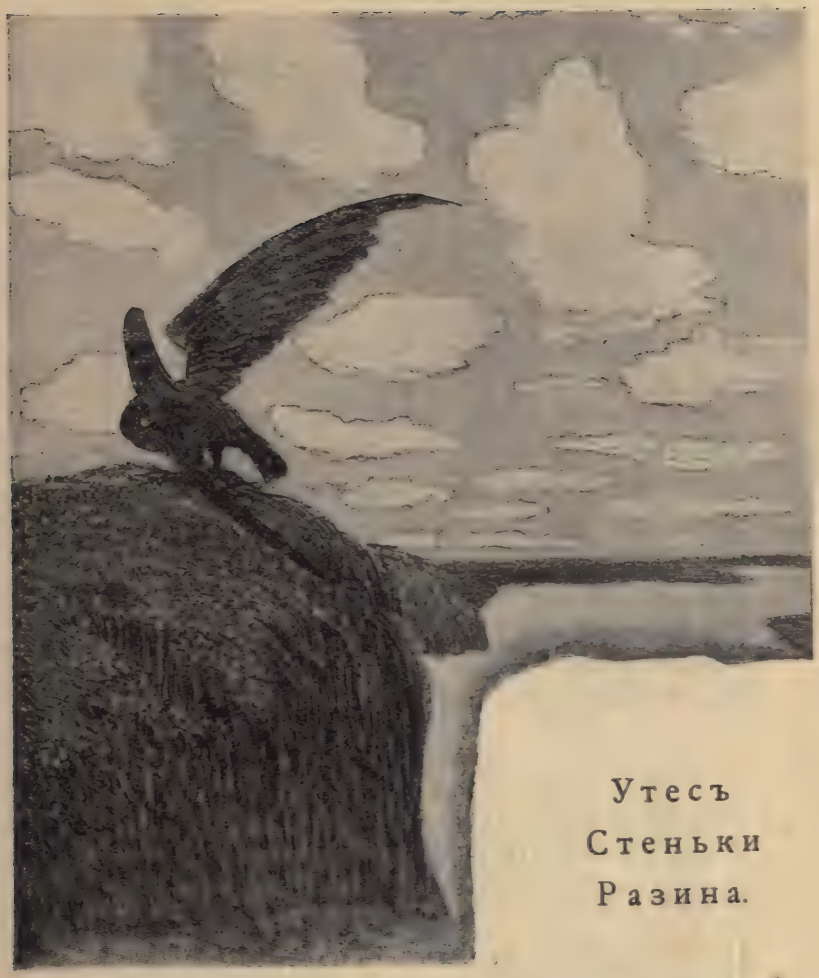
Нѣтъ имъ возврата... Тѣ годы счастливые, —
Гдѣ ихъ припомнить теперь?..
Тише, о, тише, толпа... Терпѣливѣе!
Ждать ужъ недолго, повѣрь...
Вонъ показалися стѣны угрюмыя...
Помнитъ онъ: судьи сидѣли кругомъ, —
Вѣру въ людей звали верхомъ безумія,
Сильнаго вѣрою — звали врагомъ.
Жадно они разметали
Счастья минувшаго прахъ;
Жадно могилы копали,
Рылись въ погибшихъ мечтахъ...
Нѣтъ, онъ не выдержалъ!... Въ сердцѣ кипѣвшая
Рвалась наружу гроза,
Все, что таила душа наболѣвшая,

Все имъ швырнулъ онъ въ глаза...
Зналъ, что проходитъ въ тотъ горестный день
Онъ предпослѣднюю къ гробу ступень.

Да, предпослѣднюю... Шумъ приближается.
Что это? Ноги дрожатъ...
Въ холодъ предсмертный душа погружается,
Страшно!... Назадъ, о, назадъ!
Поздно... Напрасны тоска и рыданія...
О, какъ свѣтло позади!
Бьютъ барабаны... Минута молчанія...
Что-то порвалось въ груди...
Снова ревущей грозою
Бурно ликуетъ народъ,
Все покрывается мглою,
Все завертѣлось...
Впередъ!
Выше держи свою голову блѣдную,
Ногу смѣлѣй подымай — не страшись...
Это прошелъ ты ступеньку послѣднюю...
. . . . . .
— Кончены мука и жизнь.

Ты жъ успокой, о родная земля,
Кости того, кто погибъ за тебя!

Н. Минскій.



Утесъ
Стеньки
Разина.

Есть на Волгѣ утесъ; дикимъ мохомъ оброс
Онъ съ боковъ, отъ вершины до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная...

На вершинѣ его не растетъ ничего,—
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ...
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ —
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси,
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ,
И съ почетомъ его вспоминаетъ...

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался,
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него...
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ...

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,
И задумалъ пойти по другому пути,
И итти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю...

Не владыкой онъ былъ на Москву приведенъ, —
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечомъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости...

Но прошла старина, и что въ тѣ времена
Лишь мятежною вспышкой казалось, —
То теперь рѣшено, но не все; — а одно
И надолго вопросомъ осталось...

И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ...

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Тѣ завѣтныя думы Степана.
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу какъ мать дорогую любилъ,
И во имя ея подвизался, —

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

А. Навроцкій.

Венгерскіе юноши.

На мотивъ Александра Петефи-Зандора.

Цвѣтущимъ деревамъ плоды даетъ природа;
Венгерцы-юноши! вы также цвѣтъ народа,
Но горе тѣмъ садамъ,
Которымъ Богъ послалъ на вѣчное мученье
Подобный пустоцвѣтъ, какъ ваше поколѣнье,
Ниспосланное намъ.
Душа моя паритъ со словомъ укоризны
На западъ и востокъ — во всѣхъ концахъ отчизны
Все крѣпко спитъ впотьмахъ.
О, если бъ я владѣлъ могучими громами,
Какъ страшно, юноши, я грянулъ бы надъ вами,
Повергнувъ васъ во прахъ.
На уваженье вы не заслужили права,
Наслѣдники отцовъ, богатыхъ яркой славой,
Подобны вы червямъ,
А если бъ на бѣду лишь въ васъ была опора
И бѣдной родины, — вы не дали бъ отпора
Ея тупымъ врагамъ.
Къ вамъ въ слабыя сердца, какъ въ горницы трактира,
Тѣснится тьма гостей, тѣснится ради пира;
Поднявъ веселый шумъ,
Позорно изгнана ихъ наглою гурьбою
Любовь къ отечеству, несущая съ собою
Такъ много скорбныхъ думъ.

Едва ль у васъ въ груди есть уголокъ единый,
Гдѣ прилипилась бы какъ тонкой паутиной,
Любовь къ родной странѣ.
Но и отсюда прочь ничтожные расчеты
Заставятъ васъ смести ее, какъ нечистоты,
Приставшія къ стѣнѣ.
Какъ малодушны вы! Вамъ дорогъ блескъ лукавый
Тщеславья мелкаго и нашей старой славы,
Вы топчете вѣнцы!
Какъ малодушны вы! Вамъ солнце замѣнили
Ничтожнымъ ночникомъ — и вы довольны были,
Безумцы и глупцы!
Любовь къ отечеству! О, гдѣ же кисть такая,
Которая могла бъ изобразить, святая,
Величіе твое, —
Чтобъ очарованный твоимъ изображеньемъ
Считалъ тебя мой братъ съ живымъ благоговѣньемъ
За божество свое!
Ко мнѣ, рабы, ко мнѣ, жрецы пустаго свѣта!
Я въ грудь вонзаю мечъ и щедро сердце это
Свою живую кровь
Прольетъ вамъ на главы... Быть можетъ возрожденья
Приходитъ часъ... Ко мнѣ, на новое крещенье
Спѣшите, я готовъ!

Перев. Михайлова.

Битва жизни.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!...
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ — и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною.
И мучительный сонъ на яву и во снѣ
Не даетъ мнѣ покоя желаннаго:
Вижу въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ
Послѣ дѣла великаго, браннаго.
Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей,
Уходя въ вышину безпредѣльную;
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ — дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
Съ головами разбитыми, къ небу лицомъ,
Посинѣвшіе, кровью облитые,
Тихо спятъ мертвецы; беззавѣтно глядятъ
Ихъ глаза, неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой,
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не знаю зачѣмъ, мертвецовъ
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія!

Всѣ отважно погибли, какъ слѣдуетъ пасть
Тѣмъ, въ комъ жили не помыслы низкіе,

Рис. В. Суреньянца.

А одна неподкупная, свѣтлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насиліе дикое.
Точно призракъ ночной, точно блѣдная тѣнь,
Я иду чрезъ поляны унылыя...
— О, рыдай моя пѣсня: все братья, друзья,
Все черты дорогія и милыя!

Обезумѣвъ отъ горя, припасть я хочу
Съ громкимъ воплемъ на землю холодную, —
Чтобъ повѣдать всю лютую злобу мою,
Всю любовь и тоску безысходную.
Наклонившись хочу я страдальцевъ обнять.
Вдругъ... О, ужасъ! Ихъ лица безстрастныя
Стали темны, какъ ночь... На недвижныхъ устахъ
Зазмѣилась усмѣшка ужасная...
И, объятому трепетомъ, чудится мнѣ
Шопотъ злобный, упреки суровые:
„Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые?
Отчего не лежитъ твой истерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
„Отчего ты, какъ воръ, подъ покровомъ ночнымъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
Что намъ въ злобѣ твоей, хоть и нѣтъ ей конца,
Что тоска намъ твоя безысходная, —
Пѣсни скорбныя громко умѣешь ты пѣть,
Но страшна тебѣ смерть благородная!
Уходи, уходи! намъ противны, смѣшны
Оправданья твои малодушныя...

Гдѣ ты былъ, когда въ бой мы безтрепетно шли,
Зову чести и долга послушные?

О, уйди же, уйди... Мы не знаемъ тебя!“
И помчался я вдаль безпредѣльную...
Мѣсяцъ сумраченъ плылъ... дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную.
Руки горько ломая, я въ небо глядѣлъ,
Будто вѣря, что зову послушное,
Усыпитъ оно скорбь мою, жгучую скорбь;
Но синѣло оно, равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь
И на все, что подъ бурею клонится,
И на все, что ликуетъ, царитъ и гнететъ —
Ни мольбой, ни проклятьемъ не тронется!
Я бѣжалъ, словно гнался невѣдомый врагъ
По пятамъ моимъ мертвой поляною:
Брань и крики его, какъ отточенный ножъ
Наносили мнѣ рану за раною,
И напрасно пощады вымаливалъ я...

— Такъ безъ жизни проносится жизнь вся моя:
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ — и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною!...

П. Я.

Къ Россіи.

О. Рейтеръ.

Я шлю тебѣ привѣтъ, измученный народъ,
Народъ — герой, въ борьбѣ не дрогнувшій неравной.
И я извѣдалъ скорбь, и я позналъ тотъ гнетъ,
Что терніями путь усѣяли твой славный...
Привѣтствую я духъ отважный, смѣлый твой,
Презрѣньемъ къ страху жертвъ и къ страху смерти
полный.
Привѣтъ вамъ всѣмъ, борцы съ безтрепетной душой,
Широкой, какъ рѣка, стремительной, какъ волны.
Предъ моремъ слезъ твоихъ страдающихъ сыновъ
Склоняюсь я душой въ глубокомъ умиленьи,
И радостно ловлю звукъ тѣхъ колоколовъ,
Что міру вѣсть несутъ о скоромъ обновленьѣ.
Привѣтъ я сердцемъ шлю святой твоей борьбѣ,
Изъ нѣдръ твоихъ на свѣтъ все свѣтлое влекущей,
Великое сулитъ твой другъ твоей судьбѣ,
Народъ — герой, борьбу безмѣрную ведущій.
Такъ возведи жъ дворецъ на мѣстѣ ветхихъ стѣнъ
На счастье — отъ цѣпей свободнаго народа,
Строй шире окна въ немъ, — прочь сумрачную тѣнь,
Да сгинетъ тяжкій гнетъ, да здраствуетъ свобода!

Пер. Льва К.

День.

Гюйо.

Вотъ, наконецъ, и онъ разящій, гнѣвный мститель,
Залитый солнцемъ день! Ужасный властелинъ
Губительныхъ лучей; то — гордый исполинъ,
То Богъ разгнѣванный, то Геркулесъ — спаситель!
Дрожатъ чудовища: какъ бурною грозой,
Титанъ сметаетъ ихъ однимъ своимъ дыханьемъ.
Онъ пробуждается, привсталъ онъ надъ землей,
Приподнялъ голову, грозя съ негодованьемъ,
Изогнутой рукой, — и весь трепещетъ онъ
Сверхъчеловѣческимъ усиліемъ... Народы, —
Воспряньте! Онъ воскресъ, онъ близокъ, день свободы!
О побѣжденные, то вами онъ зажженъ!
Какъ пламя, росъ вашъ гнѣвъ волной неудержимой;
Онъ охватилъ весь міръ и вспыхнулъ въ небесахъ.
Да, въ этомъ днѣ живетъ вашъ духъ неукратимый,
И ваше мужество горитъ въ его лучахъ.

Пер. И. Тхоржевскаго.

Россіи.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ Богъ тебя зоветъ...
. . . . . .
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго...
А на тебя, увы, такъ много,
Грѣховъ ужасныхъ налегло.
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.
О, недостойнная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой,
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой.
. . . . . .

А. Хомяковъ.

Кузнецъ.

Э. Верхарна.

Гдѣ выѣздъ въ поле, гдѣ конецъ
Жилыхъ домовъ, сѣдой кузнецъ,
Старикъ угрюмый и громадный,
Съ тѣхъ поръ, какъ ярость затая,
Легла руда подъ молотъ жадный,
Съ тѣхъ поръ, какъ дымъ взошелъ надъ горномъ,
Куетъ и правитъ лезвія,
Взнося удары надъ огнемъ упорнымъ...
Сѣдой кузнецъ, нѣмой старикъ,
Своимъ терпѣніемъ великъ.

И знаютъ жители селенья,
Тѣ, что поблизости живутъ
И въ сжатыхъ кулакахъ таятъ ожесточенье,
Зачѣмъ онъ принялъ этотъ трудъ,
И что даетъ ему терпѣнье
Сжать крики гнѣвные въ зубахъ.
А тѣ, живущіе въ равнинѣ, на поляхъ,
Чьи тщетныя слова — лай предъ кустомъ безъ звѣря,
То увлекаясь, то не вѣря,
Скрываютъ страхъ,
И съ недовѣрчивымъ вниманьемъ
Глядятъ въ глаза, манящіе молчаньемъ.

Кузнецъ.

Л. Пастернакъ.

Кузнецъ стучитъ, старикъ куетъ,
За днями день, за годомъ годъ.
Въ свой горнъ онъ бросилъ крикъ проклятій
И гнѣвъ, глухой и вѣковой.
Холодный вождь незримыхъ ратей,
Въ свой горнъ, горящій, золотой,
Онъ бросилъ ярость, горесть, — злобы
И мятежа гудящій ревъ,
Чтобъ дать имъ яркость молній, чтобы
Имъ дать закалъ стальныхъ клинковъ.

Вотъ онъ,
Сомнѣній чуждъ и чуждый страха,
Склоненный надъ огнемъ, внезапно озаренъ,
И пламя передъ нимъ какъ рядъ живыхъ коронъ.
Вотъ, молотъ бросивши съ размаха,
Его вздымаетъ онъ, упрямъ и напряженъ,
Свой молотъ, вольный и блестящій,
Свой молотъ, изъ руды творящій
Оружіе побѣдъ,
Тѣхъ, что провидитъ онъ за далью лѣтъ!

Предъ нимъ всѣ виды золъ, безсчетныхъ всевозможныхъ:
Голоднымъ бѣднякамъ — подарки словъ пустыхъ;
Слѣпцы, ведущіе увѣренно другихъ;
Желчь отвердѣвшая — въ рѣчахъ пророковъ ложныхъ
Надъ каждой мыслью — робости рога;
Предъ справедливостью — условій баррикады;
И руки рабскія, не ждущія награды
Ни въ шумѣ городскомъ, ни тамъ, гдѣ спятъ луга;
И села, скошенныя тѣнью,
Что падаетъ серпомъ отъ сумрачныхъ церквей;
И весь народъ, привыкшій къ униженью,
Упавшій ницъ подъ нищетой своей,

Не мучимый раскаяньемъ напраснымъ,
Сжимающій клинокъ, который станетъ краснымъ;
И право жить, и право быть собой —
Въ тюрьмѣ законности, толкуемой невѣрно;
И пламя радости и нѣжности мужской,
Погасшее въ рукахъ морали лицемѣрной;
И отравляемый божественный родникъ,
Въ которомъ жадно пьетъ сознанье человѣка; —
И послѣ всякихъ клятвъ, и послѣ всѣхъ уликъ,
Все то же вновь и вновь, донынѣ и отъ вѣка!
Кузнецъ, не вѣря въ договоры,
Давно замолкъ, давно молчитъ.
Онъ изступленный, тотъ, который
Вернется со щитомъ иль упадетъ на щитъ!
Онъ гордость, даръ мужчины, смѣло
Зубами воли сжавъ, не отдавалъ назадъ;
Онъ можетъ раздробить алмазы всѣхъ преградъ;
Однимъ хотѣніемъ, не знающимъ предѣла,
Способнымъ въ глубинѣ вѣковъ
Творить законы для міровъ!
И слушая, какъ снова, снова
Струятся слезы всѣхъ сердецъ, —
Невозмутимый и суровый,
Сѣдой кузнецъ,
Онъ вѣритъ пламенно, что злобы неизмѣнной,
Глухихъ отчаяній безмѣрная волна
Однажды повернетъ къ иному времена
И золотой рычагъ вселенной!
Что должно только ждать съ оружіемъ въ рукахъ,
Когда родится Мигъ въ чернѣющихъ ночахъ!
Что должно подавлять преступный крикъ разлада
Вокругъ знаменъ, что вѣтеръ споровъ рветъ;
Что меньше надо словъ, но лучше слушать надо,
Чтобъ Мига различить во мракѣ мѣрный ходъ;

Что знаменьямъ не быть ни на землѣ ни въ небѣ,
Но что безмолвные возьмутъ свой жребій!
Онъ знаетъ, что толпа, возвысивъ голосъ свой,
(О, сила страшная, чей яркій лучъ далеко
Сверкаетъ на челѣ торжественнаго Рока)
Вдругъ выхватитъ безжалостной рукой
Какой-то новый міръ изъ мрака и изъ крови,
И счастье вырастетъ, какъ на поляхъ цвѣты,
И станетъ сущностью и жизни и мечты,
Все будетъ радостью, все будетъ вновѣ!
И ясно предъ собой онъ видитъ эти дни,
Какъ если бъ, наконецъ, уже зажглись они:
Когда любви простѣйшіе уроки
Дадутъ народамъ миръ, а жизни — свѣтлый строй;
Не будутъ люди злобны и жестоки,
Какъ волки грызться межъ собой;
Сойдетъ Любовь, чья благостная сила
Еще невѣдана въ послѣднихъ глубинахъ,
Съ надеждой къ тѣмъ, кого судьба забыла;
И брешь пробьетъ въ пузатыхъ сундукахъ
(Гдѣ дремлетъ золото, хранимое напрасно),
День справедливости, несдержанной и красной;
Подвалы, тюрьмы, банки и дворцы
Исчезнутъ въ дни, когда умрутъ гордыни,
И люди, лишь себя величащіе нынѣ,
Себялюбивые слѣпцы,
Всѣмъ братьямъ расточатъ свои живые миги;
И будетъ жизнь людей проста, ясна;
Слова (ихъ угадать еще не могутъ книги)
Все разъяснятъ, раскроютъ все до дна,
Что кажется теперь запутаннымъ и темнымъ;
Причастны Цѣлому, съ своимъ удѣломъ скромнымъ
Сроднятся слабые; и тайны вещества,
Быть можетъ, явятъ тайну Божества.

. . . . . .

За днями день, за годомъ годъ,
Кузнецъ стучитъ, старикъ куетъ,
За гранью города, въ тиши,
Какъ будто лезвія души.
Надъ краснымъ горномъ наклоненъ,
Во глубь столѣтій смотритъ онъ,
И ихъ сверканьемъ озаренъ, —
Сѣдой кузнецъ, нѣмой старикъ,
Тотъ, что молчаніемъ великъ.

Пер. Валерія Брюсова.

Варшавянка.

Вихри враждебные воютъ надъ нами,
Темныя силы насъ злобно гнетутъ,
Въ бой роковой мы вступили съ врагами,
Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ.
Но мы поднимемъ гордо и смѣло
Знамя борьбы за рабочее дѣло,
Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ,
За лучшій міръ, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Маршъ, маршъ, впередъ,
Рабочій народъ! (2 раза).

Мретъ въ наши дни съ голодухи рабочій,
Станемъ ли, братья, мы дольше молчать?
Нашихъ сподвижниковъ юныя очи
Можетъ ли видъ эшафотовъ пугать?
Въ битвѣ великой не сгинутъ безслѣдно
Павшіе съ честью во имя идей,
Ихъ имена съ нашей пѣсней побѣдной
Станутъ священны милльонамъ людей.

(Припѣвъ).

Пѣсни побѣжденныхъ

изъ Чезаре Никколини.

I.

Рѣшетки бойницы.... И въ стѣны тюрьмы
Волна ударяетъ безсонная...
Здѣсь царство безмолвія, страха и тьмы,
Здѣсь молодость спитъ побѣжденная!
Великая молодость, въ сердцѣ больномъ
Святыя мечты затаившая,
Поникшая скорбно высокимъ челомъ,
Но гордость и гнѣвъ сохранившая!
И гаснетъ безрадостно солнце весны.
Проносятся зимы тоскливыя...
Лишь сладко-мучительно яркіе сны —
Былого видѣнія счастливыя.

II.

Сегодня я всю ночь не могъ очей сомкнуть,
Сомнѣнье черное мнѣ душу истерзало!
Желѣзною рукой сдавивши мозгъ и грудь,
Свободно чувствовать и мыслить не давало,
И грознымъ шопотомъ дышало на меня:
О, горе, горе вамъ! Вы родину сгубили!
Въ преддверьи свѣтлаго и радостнаго дня
Она была бъ теперь, — вы только отдалили
Ея свободы часъ... Безумные! Себя
За цвѣтъ и соль земли сочли вы горделиво,
Вопросы сложные, рѣшая торопливо,
Грѣхи вѣковъ съ плеча рубя!
И что отрады въ томъ, что сторонѣ родимой
Желали блага вы, что ваша кровь лилась?
Любя, вы нанесли ей вредъ непоправимый...
Да, вы преступники! Она осудитъ васъ!"
Такъ, въ тишинѣ ночной, угрюмое сомнѣнье
Нашептывало мнѣ, злорадствуя и мстя.
И, полный ужаса и слабый, какъ дитя,
Спасенья я искалъ — и не было спасенья!

III.

— Пускай обвиняютъ, клевещутъ, бранятъ,
И жалятъ и топчутъ... У спящихъ въ могилѣ
Вѣнцы отнимаютъ... Пускай говорятъ,
Что родину мы погубили!
Не вамъ насъ судить! Мы на судъ васъ зовемъ,
Кто глухъ былъ къ стенаньямъ народа родного.
Безъ страха суда мы правдиваго ждемъ —

Потомства свободнаго слова.
Вы неба не знали, влачась по землѣ,
На ощупь вы каждый успѣхъ измѣряли,
А мы... мы витали въ таинственной мглѣ,
Мы думой въ вѣка прозирали!
Свободная мысль изнывала въ цѣпяхъ,
И мракъ былъ ужасенъ, и зло ликовало....
Мы подняли знамя, упавшее въ прахъ —
И полночь вокругъ задрожала;
Горсть храбыхъ на тьмы ополчилась враговъ,
Шатались могучаго Рима ступени...
Мгновенье — но цѣлые сонмы вѣковъ
Подобныхъ не стоятъ мгновеній!
Все стихло, предсмертный лишь носится стонъ.
Но явится правды поруганной Мститель:
Не тотъ кто на землю упалъ, — побѣжденъ,
Не тотъ, кто разитъ, — побѣдитель.

Пер. П. Я.

Порогъ.

Стихотвореніе въ прозѣ.

Я вижу громадное зданье. Въ передней стѣнѣ узкая дверь, раскрытая настежь; за дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка...

Морозомъ дышитъ та непроглядная мгла и, вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины зданія медлительный, глухой голосъ.

„О, ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?“

— Знаю, — отвѣчала дѣвушка.

„Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣнье, обида, тюрьма, болѣзнь, самая смерть“.

— Знаю.

„Отчужденіе, полное одиночество.

— Знаю.... Я готова. Я перенесу всѣ страданья, всѣ удары.

„Не только отъ враговъ, но и отъ друзей, отъ родныхъ.

— Да и отъ нихъ.

„Хорошо. Ты готова на жертву?“

— Да.

„На безымянную жертву? Ты погибнешь, — и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить“.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнья. Мнѣ не нужно имени.

„Готова ли ты на преступленье?“

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленье готова.

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

„Знаешь ли ты, — заговорилъ онъ, наконецъ, — что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь“?

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

„Войди“.

Дѣвушка перешагнула порогъ и тяжелая завѣса упала за нею.

„Дура“, проскрежеталъ кто-то сзади.

— „Святая“, пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. Тургеневъ.

Разстрѣлянные.

Виктора Гюго.

Безумно страшная война.
Во слѣдъ побѣдѣ — казнь. Пощада
Молчитъ и всюду месть слышна:
„Избить всѣхъ недовольныхъ надо".
Погибло мужество: оно
Лежитъ во прахѣ, сражено
Презрѣнной подлости рукою,
Смерть воцарилася. Кругомъ
Убійства. О, народъ, судьбою
Ты преданъ, ты поникъ челомъ
Какъ колосъ, сломанный грозою...
Вотъ привели толпу къ стѣнѣ
Разстрѣливать. Одинъ, съ солдатомъ
Прощаяся, убійцу братомъ
Зоветъ: другая шепчетъ: „Мнѣ
Не страшно умирать. Убили
Вы мужа — я его жена;
Несчастье вмѣстѣ мы дѣлили,
Насъ тяготила цѣпь одна;
Былъ правъ онъ или нѣтъ, — не знаю,
Но онъ погибъ, и умираю
Я съ радостью во слѣдъ за нимъ".

Раздался залпъ ружейный; дымъ
Разсѣялся; лежитъ рядъ труповъ
Близъ окровавленныхъ уступовъ
Разбитой бомбами стѣны.
Вотъ двадцать дѣвушекъ, толпою
Безмолвною окружены,
Идутъ по улицѣ; красою
И юностью блестятъ онѣ
И пѣснь поютъ... И въ тишинѣ
Толпа смущенная внимаетъ
Той пѣснѣ: ихъ ведутъ на казнь
И въ часъ предсмертный наполняетъ
Имъ сердце радость, не боязнь...
Трескъ выстрѣловъ глухой повсюду.
Разстрѣлянныхъ за грудой груду
Кладутъ въ телѣги, и потомъ
Въ могилу общую бросаютъ;
Рыданій не слыхать кругомъ;
Безъ жалобъ люди умираютъ,
Какъ будто бросить этотъ свѣтъ,
Гдѣ бѣднякамъ пощады нѣтъ,
Они желаютъ; будто рады,
Что смерть избавитъ ихъ отъ мукъ...
Я видѣлъ: дѣдъ сѣдой и внукъ
Стояли вмѣстѣ у ограды
И ждали пули роковой.
Старикъ съ поднятой головой
Смотрѣлъ вокругъ и выражалось
Въ немъ лишь презрѣнье; а дитя
Кричало палачамъ шутя:
— „Стрѣляй скорѣе". — И смѣялось.
Въ презрѣньи этомъ, смѣхѣ этомъ,
Признанье смерти: — къ ней съ привѣтомъ
Они идутъ. Жить или нѣтъ —

Имъ все равно. Во цвѣтѣ лѣтъ
Подъ солнцемъ золотистымъ мая,
Когда все жаждетъ чувства слить
Съ красой природы, что, лаская,
Зоветъ насъ жить, зоветъ любить,
Тѣ дѣвушки должны бы розы
Срывать для брачнаго вѣнка,
Лелѣя въ сердцѣ счастья грезы;
Ребенокъ тотъ среди лужка
Играть бы долженъ и смѣяться,
А сердце дѣда старика
Любовью къ внуку согрѣваться.
Ихъ души радостью полны,
Могли бы цвѣсть, какъ садъ весною,
Когда лучомъ озарены
Сверкаютъ свѣтлою росою
Листы деревъ, и ароматъ
Цвѣты узорные струятъ,
И пѣсню соловей заводитъ...
И что жъ? Во дни любви, во дни
Расцвѣта юности, подходитъ
Къ нимъ быстро смерть. О, какъ они
Должны бы вздрогнуть отъ боязни
Предъ ужасомъ кровавой казни,
Какъ трепетать, молить, рыдать,
Какіе вопли устремлять
Ко Франціи, ко всѣмъ, кто видитъ
Позоръ убійствъ и, ненавидитъ
Гражданской Эвмениды ликъ.
Въ единый стонъ, въ ужасный крикъ,
Должны бы слиться ихъ моленья...
Но, нѣтъ! Они молчатъ, молчатъ.
Встрѣчаютъ смерть безъ удивленья,
Безъ содраганія глядятъ

Въ могилу темную: давно
Знакомъ имъ призракъ роковой,
Который бѣдняковъ покоемъ
Даритъ желаннымъ подъ землей,
Приди же, смерть...
Оставшись съ нами,
Пришлось бы задохнуться имъ...
И съ равнодушіемъ нѣмымъ
Они идутъ къ могильной ямѣ,
Чтобъ схоронить навѣкъ себя
Отъ насъ... и мы, душой скорбя,
О жертвахъ гибнущихъ несчастья,
Во слѣдъ имъ шлемъ свое участье;
Къ чему оно? До этихъ дней
Не помогли мы имъ голоднымъ,
Не согрѣвали ихъ дѣтей,
Дрожавшихъ въ рубищѣ холодномъ;
Мы не подумали о томъ,
Что нужно ихъ учить, что надо
Дать средства честнымъ жить трудомъ...
Теперь, когда они, какъ стадо
Звѣрей голодныхъ, вопль поднявъ,
На жизнь потребовали правъ,
Кровавой казнью заглушили
Тотъ вопль отчаянный,
И вотъ
Толпа ихъ къ роковой могилѣ
Безмолвно-гордая идетъ.
Нѣтъ жалобъ, нѣтъ и сожалѣнья
Въ окаменѣвшихъ ихъ сердцахъ;
Во взорѣ горькое презрѣнье,
Улыбка блещетъ на устахъ,
Какъ будто смерть ихъ назначенье.
О, люди — братья! Тайный страхъ

Ужель вамъ души не тревожитъ?
Нѣтъ, человѣчество не можетъ,
Не смѣетъ далѣе итти
На этомъ роковомъ пути...
Устроимъ такъ, чтобъ неимущій
Жизнь полюбилъ. Пусть будетъ онъ
Отъ рабства нищеты гнетущей
Довольствомъ честнымъ огражденъ,
Тогда порядокъ и законъ,
Не будутъ съ бѣднымъ въ вѣчномъ спорѣ,
Онъ свято станетъ ихъ хранить...
Подумаемъ объ этомъ. Горе
Такому обществу, гдѣ жить
Устали люди, гдѣ смѣются
Они предъ смертью. Жертвы скрылъ
Предъ нами вѣчный мракъ могилъ,
Но могутъ вновь они проснуться,
Для мщенья, если мы живымъ
Ихъ братьямъ жизнь не облегчимъ.

Пер. В. Б-а.

Изъ Джакометти.

Съ итальянскаго.

Мрачна моя тюрьма, — за крѣпкими стѣнами
Бѣжитъ въ морской туманъ за валомъ новый валъ,
И часто ихъ прибой подъ хмурыми скалами
Мнѣ въ ночи душныя забыться не давалъ.
Мрачна моя тюрьма! лишь изрѣдка проглянетъ
Лучъ солнца въ щель окна и сводъ озолотитъ, —
Но я не радъ ему, — при немъ виднѣе станетъ
Могильный мракъ кругомъ и сырость старыхъ плитъ.
Со мной товарищъ мой, мой братъ... Когда-то оба
Клялись мы, — какъ орлы, могучи и сильны, —
Врагамъ земли родной не уступать до гроба,
Священной вольности родимой стороны.
Я пѣснею владѣлъ, — и каждый стонъ народа
Въ лицо враговъ его съ проклятіемъ бросалъ,
А онъ владѣлъ мечомъ и съ возгласомъ — „свобода“ —
За каждую слезу ударомъ отомщалъ.
И долго бились мы; — чѣмъ дольше, тѣмъ грознѣе...
Но намъ не удалось разсѣять ночь и тьму;
Друзья насъ продали съ улыбкой фарисея,
Враги безжалостно насъ бросили въ тюрьму;
И пѣсенъ чудный даръ, и молодость, и сила —
Угасли навсегда для насъ въ ея стѣнахъ;
И міръ для насъ — обманъ, и жизнь для насъ — могила.

Насмѣшка злобная на вражескихъ устахъ...
Пѣть? Для кого, о чемъ?... Молить ли сожалѣнья?
Слагать ли льстивый гимнъ ликующимъ врагамъ?
Нѣтъ, лира истины, свободы и отмщенья
Не служитъ трепету, позору и слезамъ!
Нѣтъ, малодушный стонъ не омрачитъ той славы,
Что ждетъ насъ — свѣтлая, съ торжественнымъ вѣнцомъ
За жизни честный путь, тернистый и кровавый,
И гибель на пути, въ бою съ гнетущимъ зломъ.

Пер. Надсона.

* *
*

Братья, въ комъ сердце застыть не успѣло
Кто еще молодъ душой,
Къ намъ на защиту великаго дѣла
Шествуйте гордой стопой;
Въ борьбѣ за благо родного народа
Смѣло прольемъ свою кровь,
Нашимъ девизомъ да будетъ свобода,
Знаменемъ свѣтлымъ — любовь!
Родина наша изныла отъ муки,
Скованъ неволей народъ,
Братья, сомкните рабочія руки
Двинемся дружно впередъ!
Если устанемъ мы въ битвѣ съ врагами,
Если нашъ духъ упадетъ,
Тѣни погибшихъ поднимутся съ нами,
Мертвый живому оплотъ;
Врагъ не щадилъ безоружныхъ, и пали
Въ волны кровавой рѣки
Женщины, дѣти... Ихъ пули пронзали,
Рвали на части штыки...
Гнѣвъ закаляетъ отвагу и силы,
Павшіе къ мести зовутъ;
Горе — убійцамъ! Святыя могилы
Ихъ призываютъ на судъ.
Слава погибшимъ! Мы имъ, какъ молитву,
Пѣсню свободы споемъ,

Съ пѣсней свободы въ кровавую битву
Мы, какъ на праздникъ пойдемъ;
Братья, побѣда, побѣда за нами!
Правда, какъ солнце сильна!
Въ тьмѣ, подъ кипящими злобой волнами,
Вѣстница утра видна;
Хищники ночи безсильны при свѣтѣ;
Если намъ смерть суждена,
Полною грудью вздохнутъ наши дѣти,
Вспомнитъ родная страна.
Смѣло же, братья! Пусть врагъ наготовѣ,
Правый всегда побѣдитъ,
Капля невинно-пролившейся крови,
Гибельнѣй пули разитъ.

Федоровъ.

* * *

Ахъ! Сколько, сколько пало ихъ
Въ бою за край родной,
Отважныхъ, гордыхъ, молодыхъ,
Съ кипучею душой!
Ахъ! сколько, сколько сгибло ихъ
Подъ гнетомъ нищеты!—
Кому дороже благъ земныхъ
Казались ихъ мечты,
Кто на чужбинѣ чашу бѣдъ
Всю осушилъ до дна,
Дѣяній чьихъ не знаетъ свѣтъ,
Чьи темны имена...
Но не погибъ тотъ идеалъ,
Что возвѣщалъ ихъ духъ,
И пламень тотъ, что въ нихъ пылалъ
Съ ихъ жизнью не потухъ.
Завѣщанъ чистымъ онъ сердцамъ...
И если бъ край родной
Опять воззвалъ къ своимъ сынамъ, —
Они готовы въ бой.

Пер. Плещеева.

Мятежъ.

Les sourds tambours de tant de jours...

E. Verhaeren.

Туда, гдѣ надъ площадью — ножъ гильотины,
Гдѣ вольно по улицамъ рыщетъ набатъ,
Мечты, обезумѣвъ, летятъ.

Бьютъ сборъ барабаны былыхъ оскорбленій,
Проклятій безсильныхъ, раздавленныхъ прахъ,
Бьютъ сборъ барабаны въ умахъ.

Глядитъ циферблатъ колокольни старинной
Съ угрюмаго неба ночного, какъ глазъ...
Чу! бьетъ предназначенный часъ.

Надъ крышами вырвалось мстящее пламя,
И вѣтеръ змѣистыя жала разнесъ,
Какъ космы кровавыхъ волосъ.

Всѣ тѣ, для кого безнадежность — надежда,
Кому внѣ отчаянья — радости нѣтъ,
Выходятъ изъ мрака на свѣтъ.

Безсчетныхъ шаговъ возрастающій топотъ
Все громче и громче въ зловѣщей тѣни,
На дорогѣ въ грядущіе дни.

Протянуты руки къ разорваннымъ тучамъ,
Гдѣ вдругъ прогремѣлъ угрожающій громъ,
И молніи ловятъ изломъ.

Безумцы! кричите свои повелѣнья!
Сегодня всему наступаетъ пора,
Что бредомъ казалось вчера.

Зовутъ... приближаются... ломятся въ двери, —
Удары прикладовъ качаютъ окно, —
Убивать — умереть — все равно!

Пер. Валерія Брюсова.

* * *

Еще горятъ костры, дымятся кровью плахи,
Еще не убраны распятія кресты,
Грохочетъ пушекъ гулъ, и люди жмутся въ страхѣ,
И въ воздухѣ свистятъ нагайки и кнуты —
А я — я пѣснь пою исполненную счастья,
Я пѣснь побѣдную, товарищи, пою!
Сквозь черный мракъ вражды, насилья и ненастья
Свободной вижу я уже страну мою.
Вамъ слышенъ стукъ костей, желѣза лязгъ суровый,
Но ихъ уже глушитъ побѣдно звукъ иной,
Я слышу шествіе надъ ними жизни новой,
Я слышу утра пѣснь надъ спящею страной.
Потокомъ льется кровь, но шире и полнѣе
Потокъ сознанія народнаго летитъ,
И съ каждымъ новымъ днемъ намъ будетъ жить вольнѣе,
И каждый новый день побѣды намъ сулитъ.
Заставы, что ни шагъ — препона за препоной,
Но дунетъ жизни вихрь и нѣтъ слѣда препонъ,
И вольность гордая увѣнчана короной,
Народной волею возводится на тронъ.
Забудьте частности, окиньте всю картину,
Кипитъ, горитъ, живетъ воскресшая страна,
Какъ ветошь жалкую, какъ древнюю руину,
Съ веселой пѣснею разрушитъ гнетъ она!
Такъ пусть пока еще тиранитъ самовластье,
Въ послѣднихъ судоргахъ гнететъ страну мою —
Я все же пѣснь пою исполненную счастья,
Я пѣснь побѣдную, товарищи, пою!

Сергѣй Яблоновскій.

Пѣснь о ненависти.

Георга Гервегъ.

Впередъ, впередъ, друзья, черезъ лѣса и рѣки!
Тамъ вдалекѣ блеститъ румяная заря,
Съ подругой вѣрною простились мы навѣки,
И вѣрный мечъ возьмемъ, отвагою горя;
Пока въ насъ кровь кипитъ, мы не уступимъ силѣ,
Мечомъ враговъ своихъ сразимъ.—
Ужъ слишкомъ долго мы любили,
И ненавидить мы хотимъ...
Насъ не спасетъ теперь любви святая сила,
Любовь не можетъ намъ помочь,
Мы ждемъ, чтобъ ненависть насъ всѣхъ освободила,
И изъ сердецъ любовь теперь мы гонимъ прочь;
Вездѣ, гдѣ только власть тираны сохранили,
Мы принесемъ погибель имъ—
Ужъ слишкомъ долго мы любили
Теперь мы злобствовать хотимъ!
У насъ теперь одно святое знамя,
На немъ начертано: „свобода и просторъ!“
И пусть кипитъ въ душѣ открытой злобы пламя
Пусть ненависть горитъ, какъ сумрачный костеръ!
Страдали долго мы, лишенные свободы,
Теперь должны вездѣ провозглашать:
„Любили долго мы, покорные народы,
И ненависть должны теперь познать!

Свободу дайте намъ, свободу всей вселенной,
Пусть по землѣ тирановъ льется кровь,
Лишь ненависть отнынѣ долгъ священный
Да, ненависть дороже, чѣмъ любовь.
Пока въ насъ кровь кипитъ, мы не уступимъ силѣ,
Мечомъ враговъ своихъ сразимъ,
Ужъ слишкомъ долго мы любили,
Пришла пора, — мы злобствовать хотимъ!

Пер. Л. Уманца.

Андре Шенье.

Посвящается Н. Н. Раевскому.

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.
Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира —
Пою, мнѣ внемлетъ онъ и ты.

Поднялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ — задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ.
Заутра казнь — привычный пиръ народу,
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу —
Не измѣнилась до конца!
„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило.

Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развѣялъ пепломъ и стыдомъ.
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ.
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни,
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ,
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули „блаженство!"
О, горе! О, безумный сонъ,
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О, ужасъ! о, позоръ!
Но ты, священная свобода —
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты;
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа
Скрывалась ты отъ насъ! Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой —
И вновь враги твои падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;

Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ.
Такъ! Онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ.
Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства...
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье:
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье!
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы,и любовь — друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авель, у Фанни,
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній:
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!

Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрный,
И долго слушая, скажите: это онъ!
Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя,
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...
  Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовью и тоской
Промчались передъ нимъ... Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье излилось:
  „Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами,
Когда жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала бранила и прощала —
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!

За чѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда мои надежды,
Вы завели меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ ль было управлять строптивными конями
И круто напрягать безсильныя бразды?
И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной!
Погибни, голосъ мой, и ты, и призракъ ложный —
Ты, слово, звукъ пустой"...
„О нѣтъ!
Умолкни ропотъ малодушный!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ;
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей . . . . . .
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву — Эвмениду!
Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу, рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлый.
Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты! свирѣпый звѣрь,

Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя —
Ты все-жъ пигмей, пигмей ничтожный!
И часъ прійдетъ... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь уйду... пора... но ты ступай за мной!
Я жду тебя".
Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею.
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ влажны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Постой, постой, день только день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа.
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ Палачъ,
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ.
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ...
Сихъ палачей самодержавныхъ...
Плачь, Муза, плачь!..

1825 г. А. Пушкинъ.

Рис. Суреньянца.

Деспо.

Изъ новогреческихъ пѣсенъ.

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флагъ турецкій вьется,
Только Деспо въ черной башнѣ
Заперлась и не сдается.

„Положи оружье, Деспо.
Вамъ ли спорить глупымъ женамъ.
Выходи къ пашѣ рабою,
Выходи къ нему съ поклономъ.

— Не была рабою Деспо,
И не будетъ вамъ рабою.
И, схвативъ зажженый факелъ, —
„Дѣти, — крикнула, — за мною“. —

Факелъ брошенъ въ темный погребъ,
Дрогнулъ болъ, ударъ раздался —
И на мѣстѣ черной башни
Дымный столбъ заколебался.

А. Майковъ.

Къ П. Я. Чаадаеву.

Любви, надежды, гордой славы,
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья,
Минуты сладкаго свиданья,
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы, —
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы:
Товарищъ! вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія встанетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена!

А. Пушкинъ.

Узники.

Въ черной пещерѣ ярко пылаетъ
Пламя костровъ;
Въ черной пещерѣ падаютъ звенья
Ржавыхъ оковъ.

Весело пляшутъ красныя искры.
Молотъ гудитъ.
Эхо смѣется... Пѣсня грядущей
Воли звучитъ.

Длиться не вѣчно будетъ глухая,
Черная ночь, —
Мы изъ проклятой, черной могилы
Вырвемся прочь.

Цѣпи свергаемъ, ржавыя цѣпи,
Волю куемъ.
Скоро, о, скоро стѣны темницы
Мы разобьемъ!

Воронъ.

Изъ сборника Василевскаго „Въ грозу".

Предсказанье.

Настанетъ годъ — Россіи черный годъ —
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь:
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить . . . . . .
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать. . .
И станетъ голодъ бѣдный край терзать,
И зарево окраситъ волны рѣкъ.
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя!... твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ...

1830 г. М. Лермонтовъ.

Пѣсня.

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору —
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.
Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію-мать.
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ-червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнышко —
Смерти ночь легла въ поле бранное...
Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ;
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
„Конь мой, конь! скачи въ святой Кіевъ-градъ;
Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.
Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ
И скажи: цѣпей я нести не могъ...
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не могъ купить кровью вольности!“

1827 г. Бестужевъ.

Сонъ.

Въ полночь угрюмую будитъ уснувшаго
Зовъ неожиданный:
— „Братъ, выходи:
Стража разбросана,
Клѣтка растворена,
Цѣпи раскованы,
Врагъ позади;
Флаги на площади... Пѣсня побѣдная
Льется по городу звонкой волной...—
И говоритъ онъ испуганнымъ голосомъ:
— „Братья весны моей, вы ли со мной.
Братья спасители. Кѣмъ вы ниспосланы,
Кто вамъ, какъ ангеламъ, дверь отворилъ.
Гнѣвъ обезсиленный, сердце разбитое,
Здѣсь у порога давно я смирилъ;
Очи мои слѣпотой затуманены,
Кудри мои серебрятся, какъ снѣгъ
Братья, но все жъ таки, пыткой поруганный
Я человѣкъ. —
Ожилъ я... Вѣра моя позабытая,
Геній мой свѣтлый воскресли въ груди...“

. . . . . .

Сторожъ, гремящій
Ключами желѣзными,
Стой, не буди!

Ленцевичъ.

Рис. Е. Ернефельдта.

Гаси свѣтъ, гаси, а я снова буду зажигать его.

Іоханни Ахо.

Темная зимняя ночь окутывала сѣверный край. Солнце уже сѣло и въ низкихъ хижинахъ блѣдными огоньками свѣтились лампы. Въ ожиданіи будущаго разсвѣта люди, какъ умѣли, старались быть счастливыми.

Но духъ тьмы, что завладѣлъ лишеннымъ Солнца Сѣверомъ, не хотѣлъ допустить этого. Притаившись на дворѣ, онъ выжидалъ, когда въ окнахъ покажутся огоньки, и тогда тотчасъ же распахивалъ настежь двери хижины и врывался въ нихъ.

„Пфу“, произносилъ онъ и безжалостно задувалъ въ лампахъ огонь. И никто не осмѣливался вновь зажигать загашенныя духомъ лампы.

— Какъ быть? — спрашивали другъ друга жители низенькихъ хижинъ, очутившись въ темнотѣ.

Но только что успѣлъ улетѣть духъ тьмы изъ первой хижины, какъ вслѣдъ за нимъ въ двери тихонько проскользнулъ геній свѣта.

— Гаси огонь, гаси, а я снова буду зажигать его, — сказалъ онъ и засвѣтилъ свѣчу на столѣ.

Потомъ онъ поспѣшилъ дальше за злымъ духомъ.

А тотъ и въ другихъ усадьбахъ совершалъ свое недоброе дѣло, тушилъ всѣ огни и мракомъ окутывалъ людей. Но добрый геній по пятамъ слѣдовалъ за нимъ, и тамъ, гдѣ тухли лампы, загорались свѣчи.

Но, оглянувшись и увидавъ, что опять свѣтятся огоньки, злой духъ стремглавъ бросился обратно въ первую хижину.

„Пфу, пфу“ — дулъ онъ, и свѣча потухла.

И никто не смѣлъ зажечь свѣчу, которую загасилъ злой духъ.

— И свѣчу онъ у насъ задулъ. Какъ помочь этому горю? — во тьмѣ спрашивали другъ друга люди.

Но только что успѣлъ злой духъ выйти за ворота, какъ въ непритворенную дверь къ людямъ вновь проскользнулъ геній свѣта и шепотомъ спросилъ, нѣтъ ли гдѣ въ усадьбѣ лучины?

И нашлась въ усадьбѣ лучина, заготовленная еще прадѣдомъ въ давно прошедшія времена.

— Воткните ее въ свѣтецъ, — сказалъ геній и, схвативъ съ полки подъ потолкомъ одну изъ сложенныхъ тамъ для просушки лучинъ, взялъ уголекъ изъ печки, засвѣтилъ ее и, лукаво посмѣиваясь, проговорилъ:

— Туши, туши себѣ, а я вновь буду зажигать.

И тамъ, гдѣ тухли свѣчи, вмѣсто нихъ вспыхивали лучины, и злой духъ увидалъ, что повсюду, гдѣ онъ только что водворилъ мглу и мракъ, вновь свѣтятся огоньки. И въ третій разъ бросился онъ въ хижины.

„Пфу!“ — дулъ онъ, но лучина не тухла.

„Пфу, пфу!“ — и лишь когда онъ дунулъ въ нее третій разъ, она загасла.

И опять никто не смѣлъ засвѣтить огонекъ, что затушилъ духъ.

— Какъ туть быть? — среди мрака спрашивали другъ друга люди и вдругъ услыхали, что къ нимъ крадется геній свѣта.

— Развести огонь въ печкѣ! — воскликнулъ геній, и тотчасъ же въ очагѣ вспыхнулъ яркій пламень и весело залилъ все окружающее яснымъ свѣтомъ, а глаза генія, освѣщенные краснымъ огнемъ, засверкали восторгомъ и онъ воскликнулъ:

— Гаси, гаси, а я вновь буду зажигать его.

И гдѣ только духъ тьмы, къ горю людскому, ни задувалъ лучины, тамъ геній свѣта, къ ихъ радости, разводилъ огонь въ очагахъ и этотъ огонь свѣтилъ ярко, такъ что на далекое пространство заливалъ верхушки деревьевъ свѣтлымъ заревомъ и стволы ихъ, запушенные снѣгомъ, искрились тысячью огней.

Но тутъ уже духъ тьмы обозлился и, гнѣвно вытаращивъ глаза и раздувъ щеки, вихремъ началъ врываться въ хижины.

„Пфу, пфу, пфу“, — дулъ онъ. — Пфу, пфу, пфу“, — пыхтѣлъ онъ.

Но чѣмъ больше онъ дулъ, чѣмъ больше пыхтѣлъ, тѣмъ выше поднималось пламя на очагѣ и сильнѣе разгорался огонь. И теперь уже онъ сверкалъ не только на опушенныхъ снѣгомъ стволахъ, озарялъ не однѣ только верхушки деревьевъ, нѣтъ, — онъ по трубамъ

поднимался прямо къ небу, проливая свѣтъ въ самыя глухія деревеньки, такъ что даже въ чужихъ краяхъ видѣли его отблескъ...

Изо всѣхъ силъ старался духъ тьмы, трудился, что было мочи... Не знаю, удалось ли бы ему на этотъ разъ затушить огонь, но раньше, нежели онъ успѣлъ сдѣлать это, ночь миновала, и солнце взошло и не нужно было больше огня, и всѣ труды духа тьмы пропали даромъ. Потому что днемъ и злые духи ничего не могутъ сдѣлать, а въ ночную пору людей охраняетъ геній добра.

Пер. Л. Горбуновой.

Къ Вильяму Шелли.

Шелли.

Вкругъ берега бьется тревожный прибой,
Челнокъ нашъ и слабый, и тлѣнный,
Подъ тучами скрытъ небосводъ голубой,
И буря надъ бездною пѣнной.
Бѣжимъ же со мной, дорогое дитя,
Пусть вѣтеръ сорвался, надъ моремъ свистя,
Бѣжимъ, а не то намъ придется разстаться,
Съ рабами закона намъ нужно считаться.
Они ужъ успѣли отнять у тебя
Сестру и товарища-брата,
Ихъ слезы, улыбки, и все, что, любя,
Въ ихъ душахъ лелѣялъ я свято.
Они прикуютъ ихъ съ младенческихъ лѣтъ
Къ той вѣрѣ, гдѣ правды и совѣсти нѣтъ,
И насъ проклянутъ они дѣтской душой
За то, что мы вольны, безстрашны съ тобой.
Дитя дорогое, бѣжимъ же скорѣй!
Другое — у груди родимой,
У матери, ждущей улыбки твоей,
Мой мальчикъ, малютка любимый.
Что наше, то наше, гляди на него,
Веселья и смѣха мы ждемъ твоего,
Ты встрѣтишь въ немъ, въ странахъ безвѣстныхъ и дальнихъ
Товарища въ играхъ своихъ безпечальныхъ.

Не бойся, что будутъ тираны всегда,
Покорные лжи и злословью;
Они надъ обрывомъ, бушуетъ вода,
И волны окрашены кровью.
Взлелѣяна тысячью темныхъ низинъ,
Вкругъ нихъ возрастаетъ свирѣпость пучинъ,
Я вижу на зыби временъ, какъ обломки,
Мечи ихъ, — вѣнцы ихъ — считаютъ потомки.
Не плачь же, не плачь, дорогое дитя!
Испуганъ ты лодкою зыбкой,
И пѣной, и вѣтромъ, что бьется, свистя.
Гляди же: мы смотримъ съ улыбкой.
Я знаю, и мать твоя знаетъ, что мы
Въ волнахъ безопаснѣй, межъ вѣтра и тьмы,
Межъ водъ разъяренныхъ, чѣмъ между рабами,
Которые гонятся злобно за нами.
Ты часъ этотъ вспомнишь душой молодой,
Какъ призракъ видѣній безбольныхъ,
Въ Италіи будемъ мы жить золотой,
Иль въ Греціи, Матери вольныхъ.
Я Эллинскимъ знаніемъ духъ твой зажгу
Для сновъ о герояхъ его сберегу,
И къ рѣчи привыкнувъ борцовъ благородныхъ,
Свободнымъ ты выростешь между свободныхъ.

Пер. К. Бальмонта.

На баррикадѣ.

В. Гюго.

На баррикадѣ, кровью залитой,
Ребенка лѣтъ двѣнадцати съ толпой
Другихъ бойцовъ солдаты захватили.
— И ты былъ съ ними. — „Да, мы вмѣстѣ были“.
— Ну, такъ тебя мы разстрѣлять должны.
Жди свой чередъ.
Стволы поднялись рядомъ,
Сверкнулъ огонь и пали у стѣны
Товарищи его по баррикадамъ.
— „Позвольте мнѣ, — сказалъ онъ, обратясь
Къ начальнику, — пойти домой, проститься
Съ моею матерью, я ворочусь сейчасъ“.
— А кто тебя заставитъ воротиться?
Ты хочешь улизнуть. — „Нѣтъ, капитанъ“.
— А гдѣ живешь ты. — „Тамъ вонъ, у фонтана“.
— Ну, хорошо, ступай...
— „Эхъ, капитана
Надулъ мальчишка, — ловокъ на обманъ...“
Смѣялися солдаты межъ собой.
И смѣшивался этотъ грубый смѣхъ
Съ предсмертнымъ стономъ и хрипѣньемъ тѣхъ,
Кто умиралъ, валяясь предъ стѣной...
Вдругъ шутки смолкли. Весь отрядъ
Глядитъ не вѣря: къ нимъ назадъ
Ребенокъ осужденный смѣло

„На баррикадѣ“.

Рис. Э. Мейсонье.

Идетъ, приблизился и сталъ
Къ стѣнѣ и гордо имъ сказалъ:
— „Вотъ я — стрѣляйте“.
Пожалѣла
Смерть мальчика въ тотъ часъ,
Безумья своего стыдясь,
И онъ прощенъ былъ капитаномъ.
Дитя, ужаснымъ ураганомъ,
Который налетѣлъ на насъ,
Перемѣшавши все: героя
Съ разбойникомъ, добро со зломъ,
Тебя толкнуло въ бездну боя —
Зачѣмъ... Не знаю я о томъ,
Но говорю я: ты душою
Младенческою былъ великъ
Въ тотъ роковой и страшный мигъ,
Когда ты съ матерью родною,
Простился и пошелъ опять
Туда, гдѣ долженъ былъ принять
Ты смерть съ погибшею толпою
Товарищей. Ты отвѣчать
Не могъ за то, что люди эти
Тебя заставили въ бою
Участвовать; но на разсвѣтѣ
Дней рѣзвыхъ дѣтства жизнь свою
Ты былъ готовъ отдать за дѣло
Твоихъ друзей, и у стѣны,
Гдѣ были пулей сражены
Бойцы свободы, сталъ ты смѣло.
Да, слава шлетъ тебѣ привѣтъ,
И на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Вѣнчаетъ лаврами героя.
Когда бъ дѣяніе такое
Ты въ древней Греціи свершилъ,

Тебя воспѣли бы Эсхилъ
И пламенный Тиртей. Преданье
О дивной доблести твоей
Жило бы въ памяти людей...
И въ тихій часъ, когда сіянія
Послѣднихъ вечера лучей
Лилося въ вышинѣ лазурной,
И юная гречанка съ урной
Шла къ водоему, гдѣ склонясь
Дремали ивы, — въ этотъ часъ
Ей вспоминались бы напѣвы,
Въ которыхъ былъ прославленъ ты,
И пробуждались въ сердцѣ дѣвы
Свободы и любви мечты...

Пер. В. Б.

Кинжалъ.

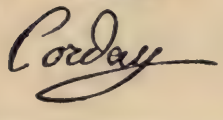
Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ,
И озираясь онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой;
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ — и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Исчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ*) уродливый возникъ:

---

*) Маратъ.

Апостолъ гибели — усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву-Эвмениду *).
Свободы мученикъ, избранникъ молодой,

Портр. Занда.



Портр. Шарлотта Кордэ.

О, Зандъ **), твой вѣкъ угасъ на плахѣ.
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ!
Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

1821 г. А. Пушкинъ.

---

*) Шарлота Кордэ.

**) Студентъ Карлъ Зандъ, заколовшій въ Мангеймѣ 23 марта 1819 г. тайнаго русскаго агента Г. Коцебу; казненъ 21 мая 1820 года.

Боевая пѣсня.

(Изъ Петефи.)

Борьба на смерть — не на животъ,
Ни слова о пощадѣ:
Пускай одинъ изъ насъ падетъ —
Не уступлю ни пяди!
Довольно слезъ, тоски... Я правъ,
Я цѣну жизни знаю:
Однажды цѣпи разорвавъ,
Я вновь ихъ не желаю.
Врагъ силенъ, да. Но не ему
Достанется побѣда:
Я свѣтъ несу, онъ сѣетъ тьму
И — не оставитъ слѣда.

Пер. С. Травинова.

* *
*

Что мнѣ она! — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?
Спать не даетъ отъ того, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ:
Вижу я — своды... окно за рѣшеткою...
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до-полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...
Что мнѣ она! — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?!...

Я. Полонскій.

С. Перовская.

На смерть Добролюбова.

Чѣмъ свѣтлѣе жизнь и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба...
Раздвигайся же кладбище,
Принимай гроба.
Гробъ вчера и гробъ сегодня,
Завтра гробъ... А мы стоимъ
И покорно — власть Господня, —
Какъ рабы, твердимъ.
Вотъ и твой смолкъ голосъ честный,
И смежился свѣтлый взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.
Ты умолкъ; но намъ изъ гроба
Скорбный ликъ твой говоритъ:
Что жъ молчитъ въ васъ, братья, злоба,
Что жъ любовь молчитъ?
Иль въ любви однѣ лишь слезы
Есть у васъ для кровныхъ бѣдъ,
Или силы для угрозы
Въ вашей злобѣ нѣтъ?
Братья, пусть любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой".
Мы стоимъ, не слыша зова...

М. Михайловъ.

Прометей.

Я шелъ подъ скалами,
Мглой ночи одѣтъ,
Я несъ темнымъ людямъ
Божественный свѣтъ —
Любовь и свободу
Отъ страха и чаръ,
И жажду познанья,
И творческій даръ.

Вдругъ разорвалася
Ночи завѣса, —
Брызнули въ пространство
Молніи Зевеса,
И проснулись боги
И богини съ ложа
Поднялись, пугливымъ
Крикомъ міръ встревожа.

И посланный ими,
Въ багровомъ дыму
Мелькнулъ черный воронъ
И ринулся въ тьму, —
Онъ близко... Онъ ищетъ
Межъ скалъ и лѣсовъ
Того, кто похитилъ
Огонь у боговъ...

Я иду — и свѣтъ мой
Свѣтитъ по дорогѣ;
Я ужъ знаю тайну,
Что не вѣчны боги...
Міръ земной я знаю,
Пересозданъ снова,
И уста роняютъ
Пламенное слово.

Не могъ утаить я
Святого огня...
И воронъ изъ мрака
Завидѣлъ меня:
Когтями и клювомъ
Онъ рветъ мою грудь, —
И кровью обрызганъ
Тяжелый мой путь.

Пусть въ борьбѣ паду я!
Пусть въ цѣпяхъ неволи
Буду я метаться
И кричать отъ боли:
Ярче будетъ скорбный
Образъ мой свѣтиться,
Съ крикомъ дальше будетъ
Мысль моя носиться...

И что тогда, боги,
Что сдѣлаетъ громъ
Съ безсмертіемъ духа,
Съ небеснымъ огнемъ?
Вѣдь то, что я создалъ
Любовью моей,
Сильнѣе желѣзныхъ
Когтей и цѣпей...

Я. Полонскій.

Пѣсня волнъ.

Надъ морскою глубиною
Волны съ пѣною сѣдою
Собиралися въ прибой,
А на берегѣ туманномъ
Я внималъ, въ смятеньи странномъ,

Пѣснѣ, созданной борьбой:
„Мы свободы жаждемъ. Въ морѣ
Мы гуляемъ на просторѣ
Своевольно здѣсь и тамъ.
Вѣтеръ дико насъ ласкаетъ,
Буря громко призываетъ
И на битву посылаетъ
Къ неприступнымъ берегамъ.

Собирайтесь, сестры, дружно!
Сокрушить намъ скалы нужно,
Путь свободный проложить
Дружно, волны! Строй за строемъ,
Мы ударимъ. Мы размоемъ...
Мы смѣемся надъ покоемъ,
Мы хотимъ для битвы жить!

Дружно, волны! Что за стоны?
Пусть разбились легіоны, —
Намъ равны и жизнь и смерть,

Мы одѣты въ панцырь бѣлый
Влажной грудью, съ пѣсней смѣлой,
Бьемся въ берегъ помертвѣлый,
Сокрушимъ нѣмую твердь...“

Я стоялъ, смятенья полный,
И внималъ. Шумѣли волны,
Набѣгалъ за строемъ строй...
Съ гордымъ стономъ разбивались,
Съ пѣсней снова собирались,
И рвались на смертный бой.

С. Фругъ.

Кинжалъ.

Онъ вырванъ изъ ноженъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни, отточеный и острый.
Поэзія — съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсни — съ бурей — вѣчно сестры.

Когда не видѣлъ я ни гордости ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ склоняли молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно-былые.

Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй
Постыдно мелочный, неправый, некрасивый.
Надъ зовами къ борьбѣ я хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.

Но лишь заслышался призывный первый громъ,
Я откликъ вамъ кричу: „я вамъ слуга сегодня!
И чѣмъ опаснѣй часъ, и чѣмъ темнѣй кругомъ,
Тѣмъ въ пѣсняхъ я свободнѣй.

Кинжалъ поэзіи. Кровавый молній свѣтъ
Нежданно пробѣжалъ по этой вѣрной стали.
И снова я съ людьми, затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.“

Валерій Брюсовъ.

Пѣснь къ британцамъ.

Шелли.

Британцы, зачѣмъ вы волочите плугъ
Для лордовъ, что въ тѣсный замкнули васъ кругъ,
Зачѣмъ вы готовите пышныя платья
Тиранамъ, которые шлютъ вамъ проклятья?

Зачѣмъ бережете вы, жалко стеня
Отъ перваго дня до послѣдняго дня,
Шершней беззастѣнчивыхъ, потъ вашъ сосущихъ,
Не потъ вашъ сосущихъ, а кровь вашу пьющихъ?

Зачѣмъ вы, о пчелы родной стороны,
Оружье и цѣпи готовить должны?
Чтобъ шершни безъ жала, презрѣвши заботы,
У васъ отнимали добычу работы?

У васъ есть достатокъ, досугъ и покой,
Уютъ и сліянье съ душой дорогой.
Что жъ вы покупаете этой цѣной,
Томленьемъ и страхомъ и мукой тройной?

Хлѣба вы взростили, — другой ихъ пожнетъ;
Богатство нашли вы, — другой ихъ возьметъ;
Вы платье соткали — кому? — для чужого;
Оружье сковали для — власти другого.

Растите хлѣба, — но не наглымъ глупцамъ;
Ищите богатства, — не дерзкимъ лжецамъ;
И тките одежду, — на смерть паразиту,
И куйте оружье, — себѣ на защиту.

Ну, прячьтесь въ подвалы, отверженный родъ,
Вы строили замки, другой въ нихъ живетъ.
Вы цѣпи трясете, что сами сковали,
Дрожите предъ силою вашей же стали.

Берите-ка заступъ, ну-ну, не робѣй!
Намѣтьте могилы, копайте скорѣй,
И, въ саванъ одѣвшись, толпой блѣднолицей,
Умрите, вамъ Англія будетъ гробницей!

Пер. К. Бальмонта.

Моя душа пылаетъ страстью бурной,
И грудь полна отваги боевой.
Ахъ! видѣть ли свободы блескъ пурпурный,
Разсѣять мракъ насилья вѣковой,
И, маску лжи сорвавъ съ злодѣя,
Вдругъ обнажить его смертельный страхъ
И бросить всѣмъ тиранамъ, не робѣя,
Стальной руки неотвратимый взмахъ!
Довольно слезъ! Пусть грянетъ бой побѣдный.
Народъ зоветъ. Преступно, стыдно ждать!
Рази-жъ, мой честный мечъ наслѣдный!
Я твой, весь твой, о, родина, о мать.

И. Каляевъ.

Сборникъ Васильевскаго „Въ грозу“.

Бѣлое покрывало.

Мориса Гартмана.

Позорной казни обреченный
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ; гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ.
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна настала для него, и надо
Покинуть міръ. Не смерть страшна,
Больному сердцу въ ней отрада —
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться;
Вороны жадныя слетятся...
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ будетъ драться.

Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ...
Поутру мать свою лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай, родная,
Я у тебя дитя одно,
А мнѣ такъ рано суждено
Разстаться съ жизнью молодой.

Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое...
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ,
Но завтра при позорной казни
Дрожать, какъ листъ, придется мнѣ!"

Мать говорила, утѣшая:
„Не бойся, не дрожи, родной,
Я во дворецъ пойду, рыдая,
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ,
И поутру, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни, на балконѣ....
Коль въ черномъ платьѣ буду я —
Знай — неизбѣжна смерть твоя....
Не правда-ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь навстрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай, вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами...
Не бойся, не дрожи, родной!"
И графу тихо, мирно спится...
И до утра онъ будетъ спать,
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

Гудитъ набатъ, бѣжитъ народъ,
И тихо улицей идетъ

Л. Пастернака.

Угрюмый, стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна — настежь.
Сколько глазъ его слезами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ.—
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ —
Тамъ, на балконѣ мать стоитъ
Спокойно, въ покрывалѣ бѣломъ.
И заиграло сердце въ немъ,
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ, съ радостнымъ лицомъ
На помостъ къ петлѣ поднимался,
И въ самой петлѣ улыбался.

Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?
О ложь святая! Такъ солгать
Могла лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью.

Пер. А. Михайлова.

Исповѣдь наливайки.

Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ: слова напрасны;
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный,
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу,—
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ,
Я на душу принять готовъ.
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай.
Мнѣ адъ—Украйну зрѣть въ неволѣ
Ее свободной видѣть—рай.
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ:
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенный старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ;
Но все исчезло, какъ призракъ.

Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ,
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ,
Ему никто, никто не внемлетъ;
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ, и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ:
Душа безъ вольности тоскуетъ,
Одна мечта и ночь, и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь:
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора", мнѣ шепчетъ голосъ тайный.—
„Пора губить враговъ Украйны".
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа:
Судьба меня ужъ обрекла...
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я чувствую, я знаю;
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю.

Рылѣевъ.

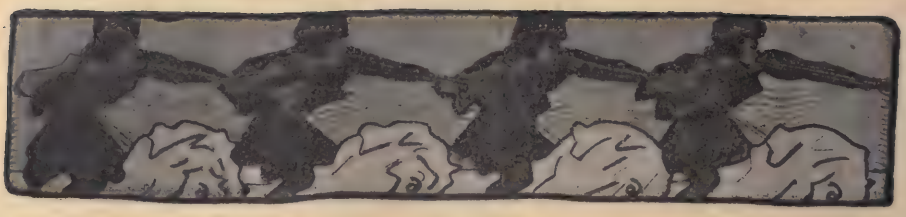
Пѣсня.

(Изъ поэмы „Пиръ на весь міръ“.)

Средь міра дольняго
Для сердца вольнаго
Есть два пути:
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую —
Какимъ итти.
Одна — просторная
Дорога торная...
Страстей раба,
По ней громадная,
Къ соблазну жадная
Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли выспренней
Тамъ мысль смѣшна;
Кипитъ тамъ вѣчная,
Безчеловѣчная
Вражда-война
За блага бренныя;
Тамъ души плѣнныя —
Въ цѣпяхъ умы;
Ключомъ кипящая,
Тамъ — жизнь мертвящая,
Тамъ царство тьмы...

Другая — тѣсная
Дорога честная;
    По ней идутъ
Лишь души сильныя,
Любвеобильныя,—
    На бой, на трудъ
За угнетеннаго,
За обойденнаго...
    Умножь ихъ кругъ,—
Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
    И будь имъ другъ.

Н. Некрасовъ.



Поиски.

(Неизвѣстнаго автора.)

Ищите его по долинамъ,
Гдѣ быстрыя рѣки журчатъ,
На горныхъ вершинахъ ищите,
Гдѣ жалобно птицы кричатъ,
Въ пустынѣ, гдѣ странниковъ звѣзды
Путемъ незнакомымъ ведутъ;
Того, кто мнѣ жизни дороже,
Быть можетъ найдете вы тутъ.

Искали они его всюду,
Кипя безпредѣльной враждой,
Искали въ оврагахъ, поросшихъ
Высокой шумящей травой.
И бѣшено къ горнымъ ущельямъ
Своихъ они гнали коней;
Но тщетно: онъ былъ ужъ далеко...
Позорныхъ избѣгъ онъ цѣпей.

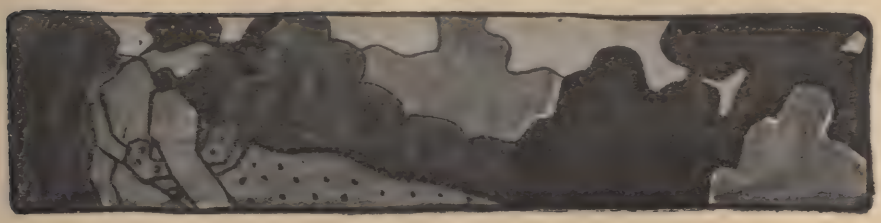
Чего они мнѣ ни сулили,
Чтобъ я имъ сказала, въ какихъ
Мѣстахъ отдаленныхъ укрыться
Изгнаннику легче отъ нихъ.

Глупцы! Если бъ даже корона
Наградою быть мнѣ могла,
Улыбку гонимаго ими
Коронѣ бы я предпочла.

Украдкой ему приносила
Я хлѣба, вина и плодовъ,
Въ объятьяхъ его проводила
Я много счастливыхъ часовъ;
Отъ мѣстъ, гдѣ мой милый укрылся,
Бѣгите, враги, у него
Въ запасѣ есть мѣткія пули...
Онѣ не щадятъ никого.

Искали они его всюду,—
Въ долинахъ, въ лѣсу, на горахъ,
И крикомъ своимъ наводили
На женщинъ и дѣвушекъ страхъ;
А въ чащѣ лѣсной, гдѣ сплетался
И дубъ, и орѣшникъ, и вязъ,
Я сонъ бѣглеца охраняла,
Къ его изголовью склонясь.

Перев. съ англійскаго А. Плещеева.



* * *

Вдоль пять шаговъ, три — поперекъ
И сводъ надъ головой,
Дверь, запертая на замокъ,
За дверью часовой.
Желѣзомъ все оплетено
Угрюмое окно;
За нимъ тюремная стѣна
И даль небесъ видна,
Порой тамъ облака клочекъ
Иль стая черныхъ птицъ;
Вдоль пять шаговъ, три — поперекъ,
Довольно для гробницъ.
Свобода здѣсь заключена,
Здѣсь весь мой міръ теперь,
И я отъ двери до окна
Хожу, какъ дикій звѣрь.
Хожу я такъ и часъ, и два,
Кружится голова,
Лишь шумъ шаговъ да стукъ ружья,
Вотъ музыка моя.
Такъ глухо здѣсь, что изнемогъ
Отъ напряженья слухъ;
Вдоль пять шаговъ, три — поперекъ,
Но гордъ еще мой духъ.
Еще онъ вѣритъ, что тюрьмой
Свободы не пресѣчь.

Тебѣ, о, зоркій часовой,
Его не устеречь.
Онъ въ небѣ съ звѣздами горитъ,
Онъ съ вольнымъ вѣтромъ говоритъ,
Роднится съ чуткою душой,
Мой духъ и мститель мой.
Есть у меня еще сынокъ, —
На волѣ онъ живетъ.
Вдоль пять шаговъ, три — поперекъ.
Прійдетъ и вашъ чередъ.

Федоровъ.

Искандеру.

(1858 г.)

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежнымъ, —
Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! свобода!

Измученный рабствомъ и духомъ унылый,
Покинулъ я край мой родимый и милый,
Чтобъ было мнѣ можно, на сколько есть силы,
Съ чужбины до самаго края родного
Взывать громогласно завѣтное слово:
Свобода! свобода!

И вотъ на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
Мнѣ издали голосъ послышался мощный.
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомощный,
Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночного,
Мнѣ слышится съ родины юное слово:
Свобода! свобода!

И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
Какъ птица изъ клѣтки, простясь съ заключеньемъ,
Взыграло впервые отраднымъ біеньемъ,

И какъ то торжественно, весело, ново
Звучитъ теперь съ дѣтства знакомое слово:
Свобода! свобода!

И все-то мнѣ грезится — снѣгъ и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизмѣнное, вѣчное слово:
Свобода! свобода!

Но если-бъ грозила бѣда и невзгода,
И рукъ для борьбы захотѣла свобода —
Сейчасъ полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! свобода!

А если-бъ пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я съ надеждой и вѣрою нынѣ,
Но въ мигъ передсмертный — въ спокойной кручинѣ
Не дай мнѣ остынуть безъ звука святого,
Товарищъ, шепни мнѣ послѣднее слово:
Свобода! свобода!

Огаревъ.

Желѣзо.

З. І. Іовановичъ.

Создавъ землю, Творецъ ей сказалъ:
„Въ сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ твоихъ —
Да появится всякій металлъ
Для грядущихъ дѣяній людскихъ“.

И услыша то слово, предсталъ
Добрый ангелъ въ слезахъ и молилъ
И, рыдая, моля, заклиналъ,
Чтобъ желѣза Господь не творилъ:

„Не пускай его, Боже, на свѣтъ:
Будетъ горе въ предѣлахъ земныхъ,
И вѣка содрогнутся отъ бѣдъ,
Отъ неволи, отъ воплей людскихъ.

„Адъ на скорбную землю сойдетъ,
Люди въ цѣпи людей закуютъ,
Гнетъ тирановъ въ нихъ волю убьетъ,
И народы безсильно падутъ!..

„И тогда образъ твой, человѣкъ,
Въ посрамленье Творца своего,
Ужъ не выйдетъ изъ рабства во вѣкъ...
Не твори лучше, Боже, его“.

„Не тревожься,— сказалъ ему Богъ —
Человѣка сознанье спасетъ:
Онъ очнется отъ мукъ и тревогъ
И желѣзо цѣпей разорветъ.

„Не печалься; не нужно ему
Этихъ слезъ и обидныхъ рѣчей:
Онъ на гибель врагу своему
Накуетъ изъ желѣза мечей“.

Перев. съ сербскаго А. Колтоновскаго.

Голова.

Верхарнъ.

Ты сложишь голову на каменномъ помостѣ,
Подъ гулкій плескъ толпы, средь буйныхъ площадей,
И ярко брызнетъ кровь, и слабо вскрикнутъ кости,
И будетъ оргія и благовѣстъ церквей.

И солнца мутныя, какъ красныя видѣнья,
Сквозь дымы сѣрные передвечернихъ дѣйствъ
Увидятъ торжество и тайну искупленья,
Тобою созданныхъ эпическихъ злодѣйствъ.

Толпа вокругъ тебя, какъ древній образъ змѣя,
На мигъ свой океанъ заставитъ замолчать,
И будетъ точно мать, ярясь и пламенѣя,
Твой черный гробъ баюкать и качать.

И памятъ о тебѣ распустится, какъ травы,
Вопьется ѣдкая, какъ ядъ осиныхъ жалъ,
Заблещетъ красками настоенной отравы,
Останется въ мозгу прямая, какъ кинжалъ.

Ты сложишь голову на каменномъ помостѣ,
Подъ гулкій плескъ толпы, средь буйныхъ площадей,
И ярко брызнетъ кровь, и слабо вскрикнутъ кости,
И будетъ оргія и благовѣстъ церквей.

Пер. Макса Волошина.

Рисунокъ Л. Пастернака.

О книжникѣ и истинѣ.

(Изъ Талмуда.)

1. Однажды книжникъ сидѣлъ у себя дома и плакалъ отъ огорченія, потому что изучалъ законъ, и въ немъ было многое, чего онъ не понималъ.

2. Вдругъ на порогѣ появилась совершенно нагая женщина.

3. И сказала она: не „пугайся и не стыдись моей наготы; ибо такъ какъ я уже пришла, то хочу разсказать тебѣ писаніе“.

4. И толковала она ему сказанья, пока не опустилась на землю ночная роса, и не настало утро. Тогда женщина сказала: „закрой теперь свои книги и облекись въ праздничныя одѣянія“.

5. „Ибо я пришла затѣмъ, чтобы ты отвелъ меня къ царю“.

6. Но ученый воскликнулъ: „что тебѣ дѣлать у царя: вѣдь ты преисполнена мудрости и не похожа на другихъ женщинъ. Развѣ ты не знаешь, что передъ престоломъ нашего господина преклоняютъ колѣна глупость, чванство, притворство, и держитъ свои рѣчи ложь. Ты же

прекрасна, такъ неужели не боишься плотскаго вождѣленія придворныхъ?“

7. Но женщина отвѣтила: „веди меня къ царю“.

8. Когда же они входили во дворецъ, женщина сдѣлалась меньше, чѣмъ была раньше и стала невзрачной; а когда они предстали предъ престоломъ, то превратилась въ морщинистую старуху, и взоръ ея принялъ мрачное выраженіе.

9. Книжникъ поднялъ лицо свое къ царю и началъ: господинъ, вотъ эта женщина мудрѣе твоихъ первосвященниковъ и краснорѣчивѣе твоихъ пророковъ, и она приказала мнѣ привести ее предъ твои очи.

10. И царь разсмѣялся и сказалъ: „хорошо, я испытаю ея мудрость“. А тѣ, что окружали его, смотрѣли на нее съ насмѣшкой.

11. И царь спросилъ: „Кто изъ князей могущественнѣе всѣхъ?“. И она отвѣтила: „Твой сосѣдъ на Западѣ“. И спросилъ царь во второй разъ: „а кто изъ князей наимудрѣйшій?“. И она отвѣтила: „твой сосѣдъ съ Востока“.

12. И спросилъ въ третій разъ: „а что скажешь мнѣ о моихъ народахъ?“ И отвѣтила она: „рабы они и убойная скотина. Ихъ топчатъ словно виноградъ въ давильнѣ, а они все же не начинаютъ бродить, а лишь льютъ напрасныя слезы, потъ и кровь“.

13. И закричали жены царя: „побейте ее камнями!“ И стали плевать на нее. А она обратилась къ одной изъ нихъ и сказала: „тебѣ не стыдно румяниться, бѣлиться, рядиться въ пурпурный шелкъ и носить золотые башмачки, когда тѣло твое уже высохло и груди опали.—И другой:—какъ ты осмѣливаешься предстать предъ государемъ своимъ, когда у тебя въ комнатѣ спрятанъ любовникъ?“ Тогда книжникъ отвернулся и скрылся.

14. Но царь подавилъ свой гнѣвъ и сказалъ: „я въ по-

слѣдній разъ спрашиваю тебя. Говори: „что говоритъ обо мнѣ народъ?“.

15. И женщина отвѣтила: „они говорятъ, что ты дуракъ. Но сами они этого не знаютъ. А я говорю тебѣ — ты несчастенъ и жалокъ“.

16. И распалилъ уста гнѣвомъ и приказалъ заковать женщину въ цѣпи и распять ее. И жены били ее, ругали, а придворные издѣвались надъ нею за ея наготу; и вывели ее служителя и прибили къ кресту. Но женщина не хотѣла умирать, и когда наступила ночь и стража уснула, она сорвалась съ креста и скрылась. Обвивъ свое чело краснымъ, какъ кровь, покрываломъ и взявъ въ правую руку мечъ, взобралась она на крышу дома и стала кричать:

17. „Проснитесь, вы спящіе, поднимайтесь, мечтатели Стыдъ вашей трусости! и позоръ вашему рабству! Краснѣйте за свой голодъ и стыдитесь вашей наготы! Опояшьтесь мечами, мужчины, и вооружайтесь факелами, женщины! Разбейте тѣхъ, что избивали васъ, и превратите въ прахъ угнетавшихъ васъ!“

18. И народъ возсталъ, и разбилъ ворота дворца, и убилъ царя съ женами и его присными. А когда они насытились пожарами и разбоемъ, женщина вышла за городскія ворота и стала прекраснѣй, чѣмъ когда либо.

19. И встрѣтилъ тутъ ее книжникъ, что убѣжалъ изъ дворца и сказалъ ей: „ты знаешь слово Божіе, а сѣешь ненависть. Ты послана Богомъ, а проповѣдуешь возмущеніе. Говори, я хочу знать, кто ты“.

20. И женщина встала во весь ростъ, протянулась и поднялась къ самому небу, и тѣло ея горѣло, точно желѣзо, раскаленное на горнѣ кузнеца, а голосъ звучалъ, какъ раскатъ грома.

21. И сказала она: „смотри—я свѣточъ трона Іеговы и пламенный мечъ, что онъ держитъ въ своей десницѣ:

зовутъ меня Истиной. Ты же долженъ умереть — потому что никто изъ смертныхъ не можетъ познать меня и продолжать жить".

22. И книжникъ упалъ и превратился въ пепелъ и прахъ. И не нашлось никого, кто бы похоронилъ его или оплакалъ. И даже память о немъ угасла, и имя его забыто по сей день.

Пер. съ нѣмецкаго Л. Горбуновой.

Послѣдняя баррикада.

Мнѣ снился мучительный сонъ:
Гасъ вечеръ на небѣ багровомъ,
И въ воздухѣ грохотъ и стонъ
Носились въ величьи суровомъ.

Вся улица кровью полна,
Весь городъ въ смятеньи отъ страха —
И вонъ ужъ позорно видна
На площади черная плаха.

Подъ ядрами рушится домъ,
Визжитъ и взвивается пламя,
И вѣетъ во пламени томъ
Кровавое красное знамя.

Работаютъ дружно штыки,
Гремятъ вдалекѣ барабаны —
И ломятся массой полки
Къ заваламъ, въ народные станы.

Рѣдѣетъ защитниковъ строй,
Густѣютъ враговъ ихъ громады —
И падаютъ всѣ чередой,
Одна за другой баррикады.

Но вотъ и послѣднiй упалъ
Оплотъ угасавшей надежды...
Вдругъ, кто-то надъ павшими всталъ
Въ сiянiи бѣлой одежды.

Надъ облакомъ дыма, во мглѣ
Стоялъ онъ на той баррикадѣ
Съ терновымъ вѣнцомъ на челѣ
И съ мукой предсмертной во взглядѣ.

Онъ руки свои простиралъ,
Гвоздями пробитыя руки,
И ликъ его кроткiй дышалъ
Страданьемъ божественной муки.

Вѣтвь мира для мiра всего
Держалъ онъ средь павшаго стана;
И въ правомъ боку у него
Сочилася новая рана.

И тихо народъ умиралъ,
Лобзая священныя раны —
А вечеръ во мракѣ вставалъ,
И били вдали барабаны...

В. Крестовскiй.

Оглавленіе.

Стран.

1. Марсельеза — пер. В. Ладыженскаго. Иллюстр. — Барельефъ Рюда Автографъ Руже де Лиля 7
2. Памяти Рылѣева — Н. Огарева. (Силуэты: Пестеля, Рылѣева, Бестужева, Муравьева и Каховскаго) 11
3. Барельефъ — И. Тургенева 13
4. „Кто волны васъ остановилъ“ — А. Пушкина. 14
5. Ликъ Медузы — В. Брюсова 15
6. Дѣдушка — Н. Некрасова. Иллюстр. — Портретъ кн. Н. Волконской. 16
7. Въ Сибирь. (Декабристамъ) — А. Пушкина. 33
8. Илька — К. Крамсу. Пер. съ финскаго Б. 34
9. Пѣснь къ защитникамъ свободы — Шелли. Пер. съ анг. К. Бальмонта 36
10. „Ткачи“ — Гейне. Пер. съ нѣм. Анатол. Доброхотова . . . 38
11. „Поспѣшимъ — честь поругана“ — Беранже Пер. съ фр. Скитальца. 39
12. Вольность — А. Пушкина 40
13. „Пѣсня о Буревѣстникѣ“ — М. Горькаго. Рис. В. Переплетчикова 44
14. Мысль — Д. 48
15. Мать и сынъ — Андерсена. Пер. А. Доброхотова 49
16. Впередъ — А. Плещеева 50
17. Цыплята Юпитера — сказка Топеліуса. Пер. Л. Горбуновой. Рис. Шалина 52
18. „Новгородъ“ — Грубера. Рис. С. Ноаковскаго 58
19. Памяти Лаврова — Тана. Иллюстр. — Портретъ Лаврова. . 60
20. „Къ солнцу“ — Шрейтера 64
21. „Свобода“ — Шелли. Пер. К. Бальмонта Иллюстр. — картина Делакруа 65
22. „Пѣсня волковъ“ Петефи. Пер. Михайлова 67
23. „На баррикадѣ“ — Барбье. Пер. съ фр. Курочкина. Рис. Л. Пастернака. 68
24. „Самсонъ“ — Свѣтозара Гурбана. Пер. В. Смирнова. . . . 73

Стран.

25. „Пѣсня“ — Георгія Чернаго 74
26. „Русскимъ друзьямъ“—А. Мицкевича. Пер. Сергѣя Яблоновскаго. Виньетка съ портр. Мицкевича, Рылѣева и Бестужева 76
27. „Впередъ“ — Лонгфелло. Пер. А. Симонова. 78
28. „Первая мученица“ — Ан. Ашкарца. Древне-Египетская легенда. Пер. Новича. Рисунокъ Л. Браиловскаго 80
29. „Казнь Жирондиста“ — Н. Минскаго 84
30. „Утесъ Стеньки Разина“ — А. Навроцкаго. Рисунокъ В. Переплетчикова 87
31. „Венгерскіе юноши“ — Петефи. Пер. съ венг. А. Михайлова 90
32. „Битва жизни“ — П. Я. — Рисунокъ В. Суреньянца. . . . 92
33. „Къ Россіи“ — О. Рейтера. Пер. съ финскаго Льва К. . . 97
34. „День“ — Гюйо. Пер. И. Тхоржевскаго 98
35. „Россіи“ — Хомякова. 99
36. „Кузнецъ“ — Верхарна. — Пер. В. Брюсова. — Рисунокъ Л. Пастернака 100
37. „Варшавянка“ 107
38. „Пѣсни побѣжденныхъ“ — Изъ Чезаре Николини. Переводъ П. Я. Иллюстр. Мальчевскаго 108
39. „Порогъ“ — Тургенева. — Рисунокъ Аллегро 111
40. „Разстрѣлянные“ — В. Гюго. — Пер. В. Б. 113
41. „Изъ Джакометти“ — Пер. съ итальянскаго. Надсона. . . 118
42. * * * — Федорова 120
43. „Ахъ сколько, сколько...“ Арани. Пер. Плещеева.—Виньетка 122
44. „Мятежъ“ — Верхарна. Пер. В. Брюсова 123
45. „Еще горятъ костры“ — Сергѣя Яблоновскаго 125
46. „Пѣснь о ненависти“ — Георга Гервега. Пер. Л. Уманца . 126
47. „Андре Шенье“ — А. Пушкина 128
48. „Деспо“ — Изъ новогреческихъ пѣсенъ. А. Майкова. Рисунокъ В. Суреньянца 134
49. „Къ Чаадаеву“ — А. Пушкина 135
50. „Узники“ — Ворона 136
51. „Предсказаніе“ — М. Лермонтова 137
52. „Пѣсня“ — Бестужева 138
53. „Сонъ“ — Ленцевича 139
54. „Гаси, гаси огонь“ — Іоханни Ахо. Пер. Л. Горбуновой. Рисун. Е. Ернфельдта 140

Стран.

55. „Къ Вильяму Шелли“ — Соч. Шелли. Пер. К. Бальмонта . 144
56. „На баррикадѣ“ — В. Гюго. Пер. В. Б. Рисунокъ Мейсонье. 146
57. „Кинжалъ“ — А. Пушкина. Портр. Ш. Кордэ и Занда . . 151
58. „Боевая пѣсня“ — Петефи. Пер. С. Травинова 153
59. „Что мнѣ она...“ — Я. Полонскаго. Портр. С. Перовской . 154
60. „На смерть Добролюбова“ — М. Михайлова 157
61. „Прометей“ — Я. Полонскаго — Виньетка 158
62. „Пѣсня волнъ“ — С. Фруга. 161
63. „Кинжалъ“ — Валерія Брюсова 163
64. „Пѣснь о британцахъ“ — Шелли. Пер. К. Бальмонта. . . 164
65. „Моя душа пылаетъ страстью бурной“ — И. Каляева. . . 166
66. „Бѣлое покрывало“ — Гартмана. Переводъ Михайлова Рисунокъ Л. Пастернака. 167
67. „Исповѣдь Наливайки“ — Рылѣева 172
68. „Пѣсня (изъ поэмы „Пиръ на весь міръ“)“ — Н. Некрасова. 174
69. „Поиски“ — Пер. съ англ. А. Плещеева. — Виньетки Р. Браиловской 176
70. „Вдоль пять шаговъ...“ — Федорова 178
71. „Къ Искандеру“ — Н. Огарева 180
72. „Желѣзо“ — Іовановича. Пер. съ сербск. Колтоновскаго. . 182
73. „Голова“ — Верхарна. Пер. М. Волошина 184
74. „О книжкѣ и истинѣ“ — Пер. съ нѣм. Л. Горбуновой. Рисунокъ Л. Пастернака. 187
75. „Послѣдняя баррикада“ — В. Крестовскаго 191

Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. Москва, Воздвиженка, д. № 9.

Изданія книгоиздательства „Молодая Россія".

Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2. Телефонъ № 122—75.

К. Качоровскій. Народное право. 90 коп.

Серія подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

Вышли въ свѣтъ.

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго соціализма. 10 к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба въ странѣ всеторжествующаго капитализма. 10 к.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.
А. Рудинъ. На ту же тему. (Еще объ аграрныхъ экскурсіяхъ россійскихъ соціаль-демократовъ). 20 к.
Л. Шишко. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. 20 к.
П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Съ предисловіемъ **Р. Росса.** 18 к.
П. Лавровъ. Знаніе и революція. Съ портр. автора. 10 к.
А. Б—ій. Что такое народовластіе. 4 к. (Попул. библ.).
Н. М. На войну. (Изъ записной книжки запаснаго солдата). 4 к. (Попул. библ.).
Н. Максимовъ. Праздникъ труда. 3 к. (Попул. библ.).
Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. (Попул. библ.) 2 к.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 30 к.
П. Поливановъ. „Кончился". Разсказъ. Съ портр. и біогр. автора. 8 к.
Амари. Стихотворенія. 10 к. (Распр.).
Ѳ. Сибирскій. Очередной вопросъ. (Объ аграрныхъ програмахъ) 8 к.

Печатаются.

М. Ратнеръ. Аграрный вопросъ и соціаль-демократія.
В. Лункевичъ. Н. К. Михайловскій. Съ портр.
Подолянинъ Современный анархизмъ.
Ш. Андлеръ. Комментаріи къ Коммун. Манифесту.
И. Черновъ. Луи-Бланъ.
Любомудровъ. Земля и воля.
В. Хоперскій. Пробужденіе. (Попул. библ.).
Зиминъ. Нужда крестьянская. (Попул. библ.).
Дм. Самойловъ. О безработицѣ. (Попул. библ.).

Условія: Выписывающіе на сумму не менѣе 3 рублей за пересылку не платятъ. Книжные магазины въ складѣ и его отдѣленіяхъ пользуются скидкой въ 25%. При заказахъ по московскому адресу на сумму не менѣе 25 руб. пересылка по жел. дорогѣ (въ пред. Европ. Россіи) принимается на счетъ издательства. Требованія изъ тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются отдѣленія, въ главномъ складѣ не исполняются.

Складъ изданій: Москва, Большая Бронная, д. Аничкова, № 1, кв. № 2.

Отдѣленія склада: С. Петербургъ: Кн. скл. „Библіотечное дѣло" Невскій, 42. Кн. маг. В. П. Кранихфельдъ, Англійскій пр., № 40.—**Кіевъ:** Кн. складъ. А. А. Соколовскаго, Крещатикъ, 42.—**Харьковъ:** Кн. маг. при „Обществ. Библіотекѣ".—**Одесса:** Кн. складъ Я. Р. Вугмана, Елизаветинская, 4.—**Саратовъ** Кн. маг. „Новь" П. С. Феокритова.—**Самара:** Кн. маг. Е. С. Ивановой Саратовская ул.—**Н.-Новгородъ:** Кн. маг. „Новь", Осыпная, 14.—**Смоленскъ:** Кн. маг. „Молодая Россія", Благовѣщенская ул.,—**Казань:** Контора „Крестьянской газеты". 2-я Академическая.—**Баку:** Кн. маг. „Сотрудникъ" М. А. Сундукіанцъ.—**Тифлисъ:** Кн. скл. бывш. О. Кайдановой, Кирочная, 6.—**Курскъ:** Кн. маг. „Народная Польза" Е. Сапуновой.—**Архангельскъ:** Кн. контора И. К. Максимова. **Вильно.** Кн. складъ „Знаніе". Георгіевскій пр., 14.

7 10
190877 1021

Цѣна 1 руб.

Складъ изданія при книгоиздательствѣ „Молодая Россія“:
Москва. Б. Бронная, д. Аничкова, кв. № 2. Тел. 122—75.